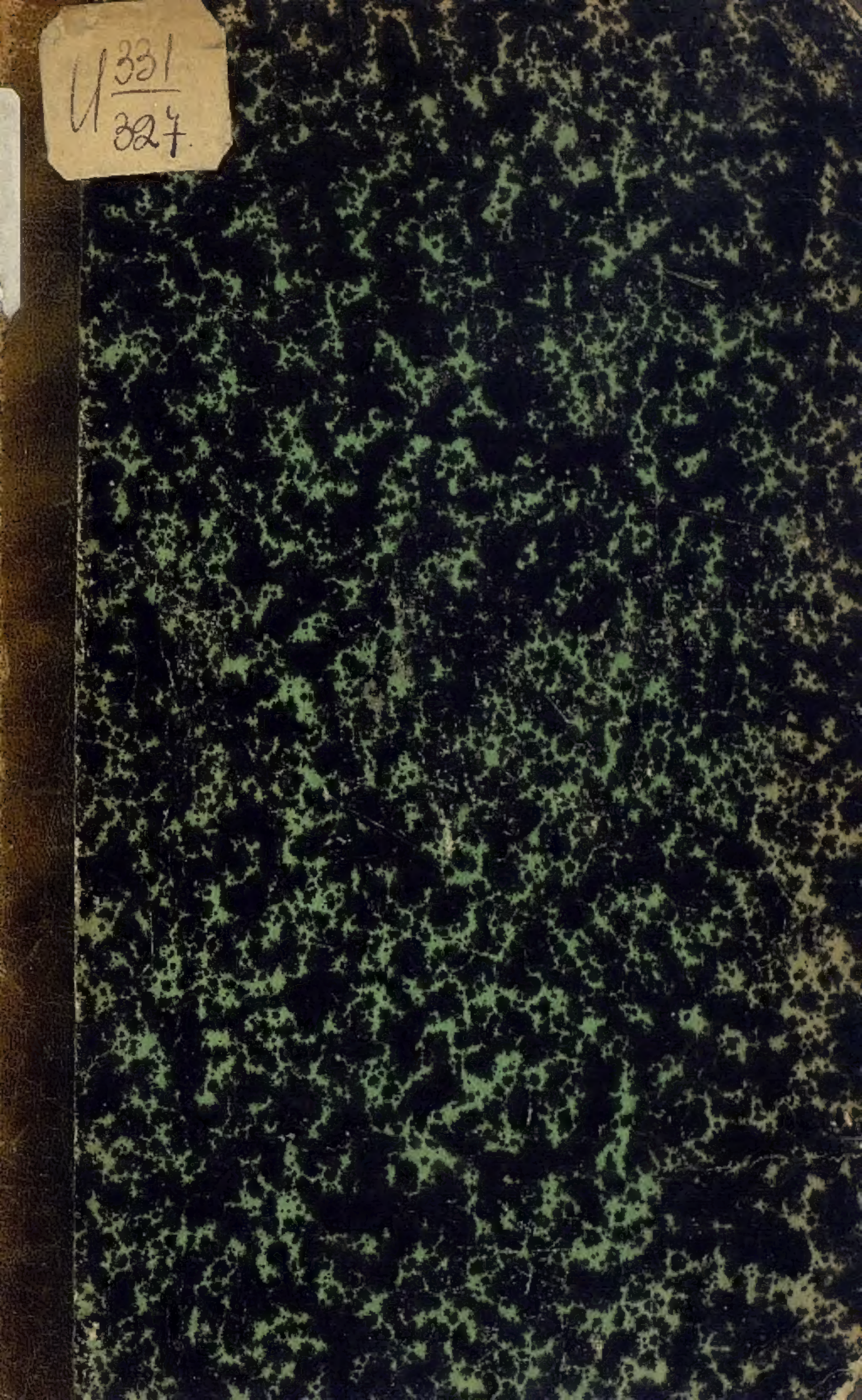

ОЧЕРКЪ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
XVIII СТОЛѢТІЯ.

сочиненіе

Н. СТРЕКАЛОВА.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Августа 13-го дня, 1837 года.

Цензоръ В. Булыгинъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Искусство есть олицетвореніе идеи изящнаго, иначе, проявленіе творческой дѣятельности нашего духа. Духъ безконечный, для видимаго проявленія, необходимо долженъ подчиниться условіямъ міра феноменальнаго. Какіяжъ эти условія? Пространство и время. Искусство, развивающееся въ пространствѣ, облекается въ извѣстные *образы:* отсюда художества *образовательныя:* Зодчество, Ваяніе, Живопись. Являясь во времени, независимо отъ пространства, искусство выражается въ *звукахъ:* это Музыка. Наконецъ, когда формою для проявленія идеи Изящнаго служитъ *слово*, и образъ и звукъ вмѣстѣ, тогда рождаются искусства *словесныя.*

Но слово имѣетъ болѣе обширное значеніе. Человѣкъ, гражданинъ двухъ міровъ, живетъ, можно сказать, двумя жизнями — внѣшнею, наравнѣ со всей природой, и внутреннею, духовною, проявляющеюся въ мышленіи, нравственномъ дѣйствованіи и чувствѣ художественномъ: эта внутренняя жизнь поставляетъ его на степень существа разумно-свободнаго, царя природы видимой. Поэтому, одною какъ-бы частію принадлежитъ

человѣкъ міру феноменальному, другою — духовному: онъ звено, связующее оба міра. Таинственна въ немъ связь двухъ частей противоположныхъ, связь тѣла и духа, — но несомнѣнна, какъ образующая одно цѣлое, недѣлимое. Эта связь причиною необходимости взаимнаго проникновенія духа нашего со внѣшней природою. Мы стремимся перенести міръ видимый въ свое разумѣніе — и, наоборотъ, вдохнуть свою мысль во все насъ окружающее, сообщиться всей природѣ, особенно существамъ намъ подобнымъ, легче и лучше насъ понимающимъ. Для перваго стремленія — возсоздать въ себѣ міръ видимый, есть орудія: зрѣніе, способность воспріятія чрезъ него *впечатлѣній* и способность *представленія;* есть и готовыя формы: образы самыхъ предметовъ, насъ окружающихъ. Гдѣ-жъ средства проявленія мысли во внѣшности? Намъ свыше даровано *слово*, какъ орудіе и вмѣстѣ форма мысли. Если слово необходимо для явленія мысли во внѣшности, то оно не есть произвольное изобрѣтеніе человѣка, постепенно совершенствовавшееся, отъ первыхъ восклицаній (междометій) до системы языка, какъ утверждали нѣкоторые — нѣтъ, оно должно быть современно первому раскрытію разума, какъ необходимая для этого форма, слѣд., современно первому человѣку. Въ этомъ отношеніи, важный смыслъ имѣетъ священное сказаніе Моисея (1): «и всяко, еже аще нарече Адамъ душу живу,

---

(1) Бытія, гл. 2.

сіе имя ему; и нарече Адамъ имена всѣмъ скотомъ, и всѣмъ птицамъ небеснымъ, и всѣмъ звѣремъ земнымъ..» Первенецъ-человѣкъ, явившійся въ свѣтъ съ полнымъ развитіемъ разума, при первомъ взглядѣ на природу, устремился запечатлѣть свою мысль на всемъ окружающемъ, и запечатлѣлъ ее — словомъ.

Таково высокое значеніе слова, какъ слѣдствія врожденной въ насъ необходимости сообщаться духомъ съ видимою природою. Въ этомъ смыслѣ, оно должно быть разсматриваемо параллельно съ умственной жизнію человѣчества.

По мѣрѣ того, какъ родъ человѣческій, размножаясь и разсѣляясь по лицу земли, образовывалъ отдѣльныя массы людей, народы, которые, находясь подъ вліяніемъ своей мѣстности, принимали особыя видоизмѣненія, сохраняя, разумѣется, слѣды своего общаго происхожденія — и самое слово, подчиняясь тому-же вліянію, хотя въ сущности пребывало неизмѣннымъ, но принимало особый характеръ, особыя формы, распадалось на отдѣльные *языки.* Слѣд., языкъ есть *явленіе слова въ народѣ.*

Различныя явленія духа человѣческаго въ словѣ, или духа народнаго въ отдѣльномъ языкѣ, образуютъ міръ словесный — *словесность* вообще, или словесность какого либо народа въ особенности (1). Изъ этого видно

---

(1) Здѣсь я разумѣю словесность въ смыслѣ литтературы, а не науки.

что въ словесности должно различать духъ народа, его умственное развитіе, какъ содержаніе, и языкъ, какъ выраженіе.

Законы духа нашего неизмѣняемы: слѣд., они должны повторяться во всѣхъ его явленіяхъ, не смотря на вліяніе мѣстности. Поэтому, произведенія словесныя всѣхъ народовъ должны являться въ однѣхъ общихъ формахъ. Какія-жъ эти формы?

Въ нашей духовной природѣ три силы: познавательная, *умъ;* желательная или дѣятельная, *воля;* наконецъ, художественная или творческая, имѣющая основаніемъ внутреннее *чувство*, чувство изящнаго, и орудіемъ *фантазію*, творческое воображеніе. Всѣ явленія нашего духа должны испытать вліяніе духовныхъ этихъ дѣятелей, слѣд., и явленіе мысли въ словѣ. Но вліяніе это не можетъ быть вполнѣ уравновѣшено: который нибудь изъ трехъ дѣятелей преобладаетъ. Одни произведенія словесныя, творимыя подъ *преимущественнымъ* вліяніемъ ума, образуютъ 1) область *наукъ*, изслѣдующихъ то, что *есть;* другія, подъ преимущественнымъ вліяніемъ воли, — 2) область *Краснорѣчія*, предлагающаго вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что *должно быть*, для нравственной пользы человѣчества; третія, подъ преимущественнымъ вліяніемъ фантазіи, — 3) область *Поэзіи*, которая, отражая жизнь дѣйствительную, преобразуетъ ее — и творитъ новый міръ, *идеально-возможный.*

Науки, какъ извѣстно, не принадлежатъ къ литературѣ въ собственномъ смыслѣ: ее составляютъ про-

изведенія Краснорѣчія и Поэзіи, т. е., такъ называемой, *изящной словесности*. Но, обозрѣвая какую либо словесность, необходимо коснуться и успѣховъ наукъ, говоря вообще о состояніи просвѣщенія извѣстной эпохи, просвѣщенія, опредѣляющаго и направляющаго литературу.

Произведенія изящной словесности имѣютъ еще рѣзкое между собою различіе, вслѣдствіе котораго распадаются на нѣсколько *родовъ*. Два главныхъ и единственныхъ поприща для дѣятельности нашего духа: природа внѣшняя и собственный міръ его, міръ нашихъ внутреннихъ помысловъ и чувствованій. Когда духъ нашъ обращается ко внѣшности, созерцаетъ ее — и свои наблюденія возсоздаетъ въ художественныхъ поэтическихъ произведеніяхъ, тогда является *Эпопея*. При обратномъ-же стремленіи духа, при его самоуглубленіи, въ области Поэзіи рождается *Лирика*, родъ Поэзіи по преимуществу субъективный. Наконецъ, взаимное дѣйствіе обоихъ міровъ, внутренняго и внѣшняго, ихъ борьба и возможное умиреніе, выражается въ *Драмѣ*, сливающей въ себѣ и эпическую и лирическую стихію. Каждый родъ Поэзіи, слѣдовательно, имѣетъ свою особенную сферу. Эпопея, возсоздавая міръ видимый, имѣетъ дѣло съ тѣмъ, что уже совершилось: область ея — прошедшее, предметъ — человѣчество. Здѣсь господствуетъ, какъ и въ мірѣ историческомъ, законъ необходимости, или, лучше сказать, здѣсь все почіетъ въ лонѣ Промысла. Отсюда происхожденіе *чудеснаго*, управляющаго механизмомъ

Эпопеи: разумѣется, значеніе чудеснаго въ древней и новой Поэзіи совершенно различно. Сфера лирической Поэзіи: внутренній міръ человѣка. Здѣсь парящій духъ возносится надъ предѣлами видимаго; онъ не ограничивается ни прошедшимъ, ни настоящимъ; онъ дерзаетъ проникать даже въ будущее. Предметъ Лирики: человѣкъ въ самомъ себѣ; поэтому, въ ней господствуетъ свобода духа человѣческаго. Наконецъ, общество, взятое въ извѣстный моментъ, какъ настоящее въ жизни человѣчества,—вотъ область и предметъ Драмы. Здѣсь человѣкъ является представителемъ борьбы безконечнаго съ конечнымъ, свободы съ необходимостью. — Этимъ тремъ родамъ Поэзіи соотвѣтствуютъ три рода Краснорѣчія: Эпопеѣ — *Исторія*, Лирикѣ — *Догматика*, Драмѣ — *Ораторская рѣчь* собственно, или *Витійство*. Объясненіе этого параллелизма можетъ завлечь слишкомъ далеко. Но — *sapienti sat!*

Вотъ всѣ роды изящной словесности (1), повторяющіеся, по единству началъ, у всѣхъ народовъ неизмѣнно, только нѣсколько разнообразясь въ своихъ *видахъ*, по вліянію мѣста и времени — и то не въ сущности, а

(1) Теперь не нужно доказывать, что *Дидактика* и такъ называемая *Пастушеская Поэзія* не составляютъ особыхъ родовъ — Критика также не есть особый родъ словесности, какъ нѣкоторые думаютъ, а приложеніе ея Теоріи къ произведеніямъ: въ ней соединяется и теоретическое и историческое воззрѣніе на словесность.

въ формѣ, или даже въ одномъ названіи (2). Въ этихъ-то родахъ должно слѣдить развитіе каждой литературы.

Когда же появляется у народа словесность? Мы сказали, что словесность есть выраженіе умственной, духовной жизни народа - посредствомъ внѣшняго орудія, языка. Но существованіе языка еще не условливаетъ бытія литературы. Дабы выразить себя, надобно *познать* себя: такъ въ одномъ человѣкѣ, такъ и въ человѣчествѣ, въ народахъ. Поэтому, народное *самопознаніе* — необходимое условіе литературы народной. И какъ ошибаются тѣ, которые принимаютъ первые звуки младенческаго лепета народа за явленія, достойныя быть внесенными въ область литературы!

Когда жъ начинается это самопознаніе? — Народы имѣютъ тѣ же возрасты, какъ человѣкъ: *младенчество, юность, мужество;* старость же не есть особый возрастъ, а истощеніе и предсмертное состояніе мужества. Въ *младенчествѣ* народы живутъ болѣе жизнію внѣшнею; здѣсь внутренняя самобытность едва раскрывается. Въ этомъ періодѣ народы еще бѣдны наблюденіемъ и опытомъ: духъ ихъ, разливаясь на всемъ окружающемъ, не въ силахъ еще не только сознать самаго себя, но даже уяснить понятіе о предметахъ міра внѣшняго. Переходя въ слѣдующій возрастъ *юности*, наро-

---

(2) На пр., Пѣсня, Романсъ, Канцона, и проч.

ды обогащаются наблюденіемъ и опытомъ, уясняютъ свои понятія обо всемъ окружающемъ — и начинаютъ *сознавать* самихъ себя. Это періодъ *самочувствія*, или *самосознанія*. Наконецъ, при совершенномъ и полномъ развитіи, запасшись и вѣрнымъ опытомъ и Наукою, каждый народъ, какъ и одинъ человѣкъ, оканчиваетъ свое умственное развитіе *познаніемъ* самого себя. Это возрастъ *мужества*, періодъ народнаго *самопознанія*.

Излишне, кажется, доказывать истину этихъ положеній: въ наше время, думаю, иначе и нельзя смотрѣть на жизнь народа. Если же литература, какъ я сказалъ, есть выраженіе народнаго самопознанія, то, очевидно, истиннаго ея начала искать должно лишь въ послѣднемъ періодѣ народной жизни: все же предыдущее есть только приуготовленіе. Мы видимъ въ Исторіи, что процвѣтаніе литературы бываетъ всегда при конечномъ развитіи силъ гражданскихъ, чаще какъ-бы слѣдствіе великихъ политическихъ событій, вознесшихъ народъ на высшую степень могущества. Вѣкъ Перикловъ послѣдовалъ за славными побѣдами на поляхъ Мараѳонскихъ, при Саламинѣ, при Микалахъ, когда оружіе Грековъ сокрушило могущество Персіи — и тѣмъ, можетъ быть, рѣшило владычество Европы надъ Азіею. Вѣкъ Августовъ является въ то самое время, когда Кесарь Рима могъ называться владыкою свѣта. Вѣкъ Людовика XIV совпадаетъ съ политическимъ могуществомъ Франціи.

Теперь, при обращеніи къ намъ самимъ, невольно рождается вопросъ: гдѣ же наше народное младенчество, юность и мужество?

Свѣтъ Христовой вѣры согрѣлъ сѣмена гражданскаго образованія, съ нею вмѣстѣ занесенныя къ намъ изъ Греціи—и они начали прозябать въ государствованіе Владиміра I и Ярослава I. Можетъ быть, не замедлили бы созрѣть и плоды, если бъ гибельный Удѣлизмъ, обративъ всѣ силы юной Россіи къ дѣятельности внѣшней, не помѣшалъ внутреннему развитію нашей жизни. Такъ застигли насъ дикіе завоеватели, Монголы — и ихъ тяжкое иго заглушило слабые ростки образованія. Періодъ времени съ половины XIII и до половины XV в. весь прошелъ сперва въ бездѣйственномъ рабствѣ, потомъ въ попыткахъ изъ него высвободиться. Это продлило возрастъ нашего народнаго *младенчества,* до половины XV столѣтія. Наконецъ, Іоаннъ III стряхнулъ иго рабства — и мы восчувствовали свои зрѣющія силы, слѣд., вступили въ періодъ *самочувствія,* въ періодъ юности. Этотъ же великій Государь положилъ прочное начало и уничтоженію Удѣловъ, сосредоточенію силъ въ Единодержавіи; онъ даже почти совершилъ это важное дѣло, оставивъ лишь немногое докончить своимъ преемникамъ. Тутъ только духъ народный *созналъ* свои силы — и самобытность его начала перемогать вліяніе внѣшнее. И такъ, съ Іоанна III мы начали нашъ періодъ *юности,* продолжившійся до Петра Великаго. Здѣсь уже начало нашего гражданскаго образованія, на-

чало наукъ и художествъ, начало нашего народнаго *самопознанія*.

Основываясь на предыдущемъ, я полагаю естественнымъ общепринятое дѣленіе нашей Исторіи на слѣдующіе три періода: 1) отъ основанія Государства до Іоанна III, періодъ, соотвѣтствующій нашему *младенчеству*, и переходу его къ юности; 2) отъ Іоанна III до Петра I, соотвѣтствующій народной *юности*; 3) отъ Петра I, періодъ нашего *мужества*. Если же литература должна быть разсматриваема въ народѣ параллельно съ умственнымъ развитіемъ, какъ его выраженіе, то и Исторію нашей литературы можно раздѣлять на три соотвѣтственные періода: 1) отъ появленія письменныхъ памятниковъ до половины XV вѣка; 2) отъ XV вѣка до начала XVIII, или опредѣленнѣе, до Единодержавія Петра Великаго (1689); 3) отъ Петра Великаго: это періодъ собственно литературный, продолжающій развиваться въ нашихъ глазахъ.

Дабы имѣть свѣдѣніе, въ какомъ состояніи находилась наша словесность до наступленія послѣдняго періода, или, лучше, до истиннаго начала нашей словесности, дабы видѣть ея зарожденіе въ предыдущихъ вѣкахъ, — необходимо бросить хотя бѣглый взглядъ на два первыхъ, такъ сказать, вступительныхъ періода нашей литературы, отъ образованія языка и появленія первыхъ письменныхъ памятниковъ до Петра Великаго. Изъ предыдущихъ положеній касательно народныхъ возрастовъ вообще и изъ ихъ приложенія къ нашему отече-

ству впередъ видно, — чего мы здѣсь можемъ ожидать. Откинемъ всякое національное пристрастіе — и не будемъ стараться возвышать состояніе нашей словесности, вопреки общему ходу человѣчества!

Въ этомъ предварительномъ очеркѣ мы еще не можемъ слѣдить всѣ роды словесности: мы имѣемъ отъ этого времени лишь нѣсколько скудныхъ памятниковъ.

Я постараюсь указать на эти памятники, въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ появленія и по выбору, обращая вниманіе лишь на важнѣйшіе, — вмѣстѣ съ тѣмъ означить *стихіи,* влившіяся въ языкъ Славянскій — и мало-по-малу образовавшія изъ него нынѣшній Великороссійскій.

ГЛАВА I.

Отъ начала письменности до Петра Великаго.

Образованіе языка — необходимое условіе бытія литературы. По эпоху начальнаго образованія каждаго языка невозможно опредѣлить съ точностію: какъ постепенно, незамѣтно образовывается отдѣльный народъ, такъ незамѣтно рождается и языкъ его. Притомъ, не вдругъ является у народа письменность; а за ея предѣлы не проникнетъ взоръ изыскателя: тамъ нѣтъ еще памятниковъ языка. Поэтому слѣдить языкъ можно тогда только, когда перейдетъ онъ въ письменность.

Славяне, вѣроятно, Азіатскіе пришельцы, разселившіеся на пространствѣ отъ моря Чернаго до Балтійскаго, принесли съ собою языкъ Славянскій. Каковъ тогда былъ этотъ языкъ, который Прокопій называетъ варварскимъ — не знаемъ. Несомнѣнно, этотъ въ началѣ общій языкъ долженъ былъ мало-по-малу принимать мѣстныя видоизмѣненія, особенно у народа, за-

нимавшаго такое обширное пространство. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, языкъ этотъ раздѣлился на двѣ главныя отрасли: Восточную и Западную. Я не буду повторять извѣстнаго, по Добровскому и другимъ авторамъ, исчисленія нарѣчій языка Славянскаго, относящихся къ той или другой отрасли. Обращаюсь ко времени появленія у Славянъ письменности.

Братья Кириллъ и Меѳодій, урожденцы Греческаго города Солуни, посылаются Греческимъ Императоромъ Михаиломъ III, во второй половинѣ IX вѣка (около 863), къ Славянамъ Моравскимъ, для введенія Христіанства и грамматы. Святые мужи составляютъ Славянскую азбуку, основываясь на Греческой и прибавивъ нѣсколько буквъ, для выраженія звуковъ, не находящихся въ послѣдней — и переводятъ съ Греческаго на Славянскій многія церковныя книги: *Евангеліе*, *Апостолъ*, *Псалтирь*, *Октоихъ* и др. Вотъ начатки письменности, перешедшей и къ намъ съ возсіяніемъ Христовой вѣры (988), при Владимірѣ (1).

Рождается вопросъ: на какое изъ Славянскихъ нарѣчій были переведены священныя книги? — По мнѣнію Добровскаго, и за нимъ Френа, на Сербскій языкъ; Копытарь считаетъ его Краин-

---

(1) Древнѣйшій памятникъ нашей письменности — хранимое Евангеліе, писанное, въ 1056, Діакономъ *Григоріемъ*, для Новогородскаго Посадника *Остромира*.

скимъ; Блюмбергъ — Болгарскимъ; послѣдняго мнѣнія Калайдовичъ и Г. Венелинъ. Отъ чего такое разногласіе? Думаю, отъ того, что всѣ эти мнѣнія основаны на лексикологическомъ сходствѣ, на сходствѣ словъ,—что легко можно было найти во всѣхъ этихъ языкахъ, какъ происходящихъ отъ одного корня. Особенно замѣчательны два мнѣнія: одно—Добровскаго, отдающее въ этомъ отношеніи преимущество нарѣчію Сербскому; другое—Г. Востокова, состоящее въ томъ, что этотъ языкъ тогда былъ *общимъ* для Славянскихъ племенъ. Кажется, оба мнѣнія можно нѣсколько согласить. Если въ IX вѣкѣ Славянскій языкъ получилъ уже нѣкоторыя видоизмѣненія у разныхъ племенъ, такъ, что образовалъ уже нѣсколько нарѣчій, можетъ быть, еще мало между собою развившихся, — то изъ этихъ нарѣчій скорѣй всѣхъ Сербское могло служить для перевода Священнаго Писанія: часть Сербовъ жила въ сопредѣльности съ Солунью и, вѣроятно, находилась въ частыхъ сношеніяхъ съ этимъ городомъ,—слѣд., Кириллъ и Меѳодій могли изучить Славянскій языкъ ближе всего въ Сербскомъ нарѣчіи. Но тѣмъ не менѣе этотъ переводный языкъ долженствовалъ быть *общепонятнымъ*: иначе, какъ-бы могъ онъ быть общимъ вѣщателемъ Слова Божія? Онъ и нашимъ праотцамъ былъ роднымъ языкомъ: Несторъ не дѣлаетъ никакого различія между языками Славянскимъ и Русскимъ. Дѣйствительно, сравните языкъ нашей Лѣтописи

съ этимъ церковнымъ—и вы найдете разительное сходство, которое невольно заставитъ усомниться, чтобы первый былъ какимъ-то особеннымъ, простонароднымъ, собственно Русскимъ языкомъ, — какъ обыкновенно утверждаютъ, повторяя Шлёцера и Карамзина. Но всмотритесь въ этотъ церковный языкъ—и вы можете убѣдиться, что онъ совершенно намъ родной, въ *лексикологическомъ* отношеніи, а въ *грамматическомъ*—передѣланный въ формы Греческаго, по причинѣ буквальности перевода. — Изъ сказаннаго я могу, кажется, вывести заключеніе, что *Славяно-Русскій* и *древне-Русскій* языкъ—названія тожественныя.

И такъ, вотъ нашъ древній языкъ—*Славяно-Русскій,* который, постепенно принимая въ себя новыя стихіи и совершенствуясь, мало-помалу приближался къ языку нынѣшнему. Въ самомъ началѣ въ него входятъ реченія Скандинавскія и Финскія. Введеніе-же Христіанства вноситъ многія слова Греческія, преимущественно Богослужебныя. И такъ, главныя стихіи: основная *Славянская,* потомъ *Скандинавская, Финская* и *Греческая.*

Зарождалась письменность, зарождалось и образованіе. Владиміръ I заводитъ училища—и насильно помѣщаетъ въ нихъ отроковъ, оплакиваемыхъ матерями. Ярославъ идетъ по стопамъ родителя—и самъ любитъ чтеніе. Владиміръ Мономахъ уже пишетъ умно и краснорѣчиво: извѣстно его *Поученіе дѣтямъ*, сохра-

ненное Исторіею. Сотрудниками Государей и наставителями народа являются Духовные Пастыри.

Но такіе слабые начатки просвѣщенія не могли еще зародить словесности. И чего могли ожидать мы, повитые пеленами, когда вся Европа была покрыта мракомъ невѣжества, когда западные языки только вытекали изъ хаоса, произведеннаго смѣшеніемъ варварскихъ нарѣчій съ классическимъ языкомъ Рима.

Какіе однакожъ памятники письменности являютъ первые вѣка народной нашей жизни?

«Русская правда», приписываемая Ярославу I, могла-бы служить памятникомъ нашего древняго языка, еслибъ не было сомнѣнія въ ея древности.

Нельзя не остановить особеннаго вниманія на нашей «Лѣтописи», приписываемой Нестору (род., по соображеніямъ, въ 1056, ум. около 1111). Въ наше время подаетъ она поводъ къ жаркимъ спорамъ. Съ одной стороны, поддерживаютъ ея достовѣрность и положительно приписываютъ её Нестору, слѣд., относятъ къ XI вѣку. Съ другой стороны, начинаютъ подрывать увѣренность въ ея древности—и относятъ её къ XIII или XIV столѣтію. Здѣсь не мѣсто рѣшать этотъ историческій вопросъ, имѣющій въ настоящемъ случаѣ только то приложеніе — къ какому времени отнести этотъ памятникъ нашей письменности. Языкъ, какъ я выше замѣ-

тилъ, совершенно сходенъ, въ отношеніи лексикологическомъ, съ церковнымъ,— да и въ самыхъ формахъ грамматическихъ составитель нашей Лѣтописи видимо подражалъ его формамъ.—Не могу не передать, согласной съ моимъ мнѣніемъ, догадки Г. профессора Давыдова (1),—что въ нашу Лѣтопись могли перейти нѣкоторыя народныя Пѣсни, или Поэмы, имѣющія чуждую примѣсь. Въ примѣръ приводитъ онъ: освобожденіе Кіева отъ осады Печенѣговъ, войны Святослава въ Болгаріи, злодѣянія Святополка (прибавлю: смерть Олега, хитрую месть Ольги). Неужели можно изъ древнихъ сказаній нашей Лѣтописи возсоздать народную нашу Эпопею,—какъ Нибуръ возсоздалъ Эпопею Римлянъ изъ первыхъ страницъ Тита-Ливія? Какъ обогатилась бы наша Поэзія! и, вмѣстѣ, какъ очистилась-бы Исторія! Двойная выгода! Осталось-бы лишь одно сомнѣніе—къ какому времени отнести эти пѣснопѣнія.

Къ XII вѣку относятъ извѣстное «Слово о полку Игоревѣ», рукопись котораго найдена лишь въ концѣ прошлаго столѣтія. Къ сожалѣнію, древность и этого произведенія спорный предметъ. Языкъ неизвѣстнаго Поэта не чистъ, испещренъ словами разныхъ нарѣчій; формы смѣшанныя; но слогъ блестящій и поразительный. Главное же достоинство Поэмы—превос-

---

(1) Уч. Зап., 1834, N° VIII. стр, 294.

ходная поэтическая живопись. Вотъ маленькій образецъ слога и этой живописи: «Игорь къ Дону вои ведетъ; уже-бо бѣды его пасетъ птицъ; подобно влъци грозу въсрожатъ по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ; лисицы брешутъ на чрълёные щиты.» (Вотъ приблизительное переложеніе: «Игорь ведетъ войско къ Дону; предъ бѣдою, парятъ надъ нимъ птицы; волки воютъ въ дебряхъ; орлы *клектомъ* на кости зазываютъ звѣрей; лисицы лаютъ на багряные щиты».)

Къ XII-же вѣку относятся два Посланія Митрополита Никифора къ Владиміру Мономаху: 1) «о раздѣленіи Восточной и Западной церкви»; 2) «о постѣ и воздержаніи чувствъ».

Памятникъ XIII вѣка: «Патерикъ Печерскій».

Вскорѣ мечь дикихъ Монголовъ застигъ Россію раздробленную, обезсиленную междуусобіями—и она не могла отразить мощный ударъ его. Мы склонились подъ иго варваровъ—и, тяжкое, подавило въ насъ зародышъ умственной жизни. Бездѣйственно протекали годы рабства. Одна только Религія оживляла падшій духъ народный: Пастыри церкви утѣшали насъ въ бѣдствіяхъ, пророчили лучшія времена. Поэтому, и въ скудныхъ явленіяхъ словесности господствовало почти исключительно направленіе *духовное*. Эти Пастыри церкви—представители тогдашней образованности, на которую Греція не переставала оказывать вліянія до самаго своего паденія. Переводы священныхъ книгъ,

Поученій Отцевъ церкви, подражанія имъ вотъ что было почти единственнымъ предметомъ нашей письменности.

Замѣчательнѣйшіе памятники письменности въ Монгольскій періодъ: «Правила о церковныхъ дѣлахъ и исправленіи Духовенства» Митрополита Кирилла (XIII в.); «Степенная книга» (XIV), которую приписывали Кипріану, но Карамзинъ опровергъ это; дѣйствительно-же два его сочиненія въ Степенной книгѣ: «Житіе св. Петра Митрополита» и «Слово прощальное»; «Поучительныя и Похвальныя Слова» (XV) Кіевскихъ Митрополитовъ Григорія Цамблака и Фотія; «Повѣсть о нашествіи безбожнаго царя Мамая съ безчисленными Агаряны», Софронія, Рязанскаго Іерея; ему-же приписывали «Слово Великому Князю Димитрію Іоанновичу», но языкъ изобличаетъ другаго сочинителя, оставшагося неизвѣстнымъ.

Къ первымъ вѣкамъ нашей Исторіи принадлежитъ, вѣроятно, бо́льшая часть нашихъ *пословицъ*: всё хорошо придуманное, удачно сказанное—передавалось изъ рода въ родъ, за малограмматностію, *изустно.* Ко временамъ Монгольскаго ига, вѣроятно, относится также бо́льшая часть народныхъ *сказокъ* и *пѣсенъ*: въ годину несчастій мы любимъ утѣшаться былымъ счастіемъ, прежнею славою, или изливаемъ свои чувствованія въ грустныхъ жалобахъ: вотъ, думаю, одна изъ причинъ *заунывности* нашихъ пѣсенъ.

Эти немногія указанія обозначаютъ всѣ замѣчательныя явленія нашей словесности въ первый періодъ народной жизни. Не будемъ жаловаться на ихъ скудость общее развитіе духа человѣческаго, въ примѣненіи къ нашей народной жизни, и вмѣстѣ внѣшнія препятствія на пути нашемъ къ образованности, какъ то, Удѣльныя междуусобія и Татарское иго—съ перваго взгляда показываютъ, что мы не могли тогда ничего ожидать болѣе. Въ языкъ нашъ, во вторую половину періода, къ прежнимъ стихіямъ прививается новая—*Монгольская*, реченія, занесенныя нашими дикими завоевателями; въ формахъ же своихъ, не смотря на многія измѣненія, языкъ остается близкимъ къ церковному, служившему образцомъ для нашихъ писателей духовныхъ.

Переходимъ ко второму нашему возрасту, къ народной *юности*.

На престолѣ Великокняженія Московскаго является Іоаннъ III, достойный названія Великаго. Онъ свергаетъ Татарское иго; мало-по-малу сливаетъ Удѣлы съ Княжествомъ Московскимъ—и въ немъ сосредоточиваетъ силы Государства. Обезопасивъ извнѣ, онъ старается развить его внутреннія силы—полезными учрежденіями, просвѣщеніемъ. съ этой цѣлью входитъ онъ въ сношеніе съ иностранными Державами. Бракъ его съ Греческою Царевною, Софіею, составляетъ важную эпоху: многіе Греческіе и Римскіе ученые прибываютъ съ нею въ Россію,

привозятъ множество рукописей—и снова посѣваютъ сѣмена образованія на одичалой почвѣ. Собственно начало Искусствъ и механическихъ художествъ въ Россіи принадлежитъ къ славному же царствованію Іоанна III: онъ изъ Венеціи вызываетъ Болонца архитектора, *Фіоравенти Аристотеля*, созидающаго Успенскій соборъ; украшаетъ Москву многими другими зданіями; вводитъ битьё монеты, литьё колоколовъ и пушекъ, и проч.—Великое дѣло народнаго просвѣщенія еще болѣе распространяется внукомъ Іоанна III, Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Онъ продолжаетъ вызывать въ Россію иностранныхъ художниковъ и ученыхъ, въ томъ числѣ Нѣмецкихъ и Англійскихъ врачей, учреждаетъ по городамъ училища; издаетъ законы церковные («Стоглавъ») и гражданскіе («Судебникъ», для составленія котораго служатъ прежде изданныя постановленія, особенно Іоанна III). Наконецъ, заводится въ Москвѣ Типографія (1).—Еще болѣе вошли мы въ сношенія съ просвѣщенными иностранцами въ царствованіе Бориса Ѳеодоровича. Этотъ мудрый Государь, продолжая вызывать знающихъ людей изъ-за границы, посылалъ и туда юныхъ Рос-

---

(1) какъ извѣстно, первая напечатанная здѣсь книга: *Апостолъ;* печатаніе начато 1563, Апр. 19, а окончено 1564, Марта 1, слѣд., продолжалось около года; издателями были Діаконъ *Іоаннъ Ѳеодоровъ* и *Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ*.

сіянъ. Извѣстно, какъ онъ любилъ просвѣщеніе, какъ заботился о воспитаніи своего сына, Ѳеодора.—Вскорѣ политическія смятенія снова замедлили наши успѣхи. Но, съ восшествіемъ на престолъ благословеннаго дома Романовыхъ, возсіяла радостная заря—и мы быстро потекли къ просвѣщенію.

Надобно замѣтить, — владычество Поляковъ въ Юго-Западной Россіи, частыя и ближайшія съ ними сношенія были причиною, что Западное просвѣщеніе дѣйствовало на насъ преимущественно чрезъ Польшу, упредившую насъ на поприщѣ образованія. Это вліяніе, продолжавшееся до XVIII вѣка, подкрѣпленное покушеніями Католиковъ обратить Россіянъ къ Уніи, если, съ одной стороны, способствовало успѣхамъ нашего образованія, то, съ другой, угрожало совершенною порчею языку отечественному, поддерживаемому только тѣми духовными писателями, которые держались библейскаго слога. Бóльшая-же часть писателей, родившихся или образовавшихся въ Польшѣ, Литвѣ и Малороссіи, употребляли языкъ Бѣлорусскій, которымъ и теперь говоритъ народъ въ Литвѣ и на Волыни. Поэтому въ языкъ нашъ, въ этотъ періодъ, вливается новая стихія—*Польская*, въ лексикологическомъ отношеніи, а въ грамматическомъ — *Латинская*: тогда Польское образованіе было чисто Латинскимъ.

Не смотря на пробудившееся въ насъ *самочувствіе* со времени Іоанна III, не смотря на

означенныя дѣйствія Монарховъ въ пользу нашего образованія—здѣсь видны только начатки просвѣщенія, мало подвинувшагося со времени введенія Христіанства, по упомянутымъ причинамъ: далеко еще было до народнаго *самопознанія!* Лишь на немногихъ указать можно представителей нашей словесности, или, лучше, нашей письменности въ этомъ періодѣ.

Отъ XVI вѣка имѣемъ мы труды Франциска Скорины (переводъ Библіи на Бѣлор. нарѣчіе), Максима Грека (замѣчательно «разсужденіе о пользѣ Грамматики, Риторики и Философіи», припечатанное къ Грамматикѣ Смотрицкаго), Макарія, Митрополита Московскаго («Великія Четіи-Минеи»; подъ его руководствомъ окончена «Степенная книга»). Но замѣчательнѣйшій человѣкъ этого вѣка — Князь Андрей Михайловичь Курбскій (род. 1529; годъ смерти неизвѣстенъ). Онъ прославился своею «Исторіею Князя Великаго Московскаго дѣлъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима». Это сочиненіе отличается исторической изобразительностію: характеры дѣйствующихъ лицъ обрисованы превосходно. Извѣстны также письма Кн. Курбскаго къ Царю Іоанну Васильевичу и другимъ особамъ. Кн. Курбскій былъ человѣкъ для своего времени очень образованный. Изъ сочиненій его видно, что онъ былъ напитанъ Латинскимъ ученіемъ: словопостроеніе у него Латинское.

Къ концу XVI и началу XVII вѣка принадлежатъ слѣдующіе опыты въ пользу нашего языка. Лаврентій Зизаній, Липовскій Протоіерей, написалъ «Славянскую Грамматику» (напеч. въ Вильнѣ, 1596), въ которой онъ приноравливается къ Греческимъ формамъ. Языкъ его — смѣсь Славянскаго съ Польскимъ (1). Вскорѣ напечатана (1619) «Славянская Грамматика» Мелетія Смотрицкаго, прежде Іеромонаха Виленскаго монастыря, а потомъ Уніатскаго Епископа въ Полоцкѣ. Эта Грамматика полнѣе Зизаніевой; основана также на правилахъ Греческой. Языкъ Смотрицкаго — смѣсь церковнаго, Польскаго и Русскаго. Около этого же времени изданъ первый (послѣ краткаго Зизаніева) «Славяно Русскій Словарь», Памвы Берынды.

Замѣчательный памятникъ Духовнаго Витійства въ этомъ періодѣ Рѣчь, говоренная, при коронаціи Царя Василія Іоанновича, Новогородскимъ Митрополитомъ Сидоромъ, или Казанскимъ Гермогеномъ. Она отличается естественнымъ развитіемъ мысли, силою чувства, краснорѣчивымъ изложеніемъ.

Слѣдуетъ упомянуть о трудахъ Авраамія Палицына, извѣстнаго сподвижника Минина и По-

---

(1) Это *вторая* Славянская Грамматика; а *первая*, «Грамматика Эллино-Славянская», издана въ Львовѣ, 1591, Студентами тамошней школы, на Греческомъ и Славянскомъ языкахъ. Составленная въ этой Грамматикѣ номенклатура и теперь удержана, съ небольшими измѣненіями.

жарскаго («Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ Поляковъ и Литвы, и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ», изд. 1784),— Патріарха Никона (исправленіе церковныхъ книгъ, «Никоновская лѣтопись»),—Епифанія Славинецкаго (переводъ, подъ его руководствомъ, твореній Отцевъ Церкви).

Между представителями нашей письменности въ XVII вѣкѣ отличное мѣсто занимаютъ слѣдующіе ученые, образовавшіеся подъ вліяніемъ Латино-Польскаго ученія, господствовавшаго на Юго-Западѣ Россіи: а) Петръ Могила, Митрополитъ Кіевскій, незабвенный искорененіемъ ложныхъ мнѣній, вкравшихся въ Малороссійскую Церковь съ Запада, усовершенствованіемъ Кіевской Академіи и стараніемъ о распространеніи богослужебныхъ книгъ; Иннокентій Гизель, Архимандритъ Кіевопечерскаго монастыря, сочинитель «Синопсиса» ревностный попечитель учебныхъ заведеній въ Кіевѣ; с) Лазарь Барановичъ, Архіепископъ Черниговскій и Новгородскій, славный своею ученостью и защищеніемъ православной вѣры противъ Іезуитовъ. Языкъ этихъ ученыхъ, вслѣдствіе ихъ образованія, искаженъ латинизмами и полонизмами; Барановичъ же писалъ свои сочиненія политическія на Польскомъ языкѣ, а говорилъ проповѣди на Бѣлорусскомъ. Петръ Могила и Иннокентій Гизель предполагали издать житія Святыхъ на Славянорусскомъ языкѣ; но этотъ полезный

трудъ суждено было совершить нѣсколько позднѣе — Св. Димитрію Ростовскому.

Тѣ же недостатки языка и большую литературную плодовитость находимъ въ Симеонѣ Полоцкомъ, придворномъ духовникѣ Царя Алексѣя Михайловича и наставникѣ Ѳеодора Алексѣевича. Между прочимъ писалъ онъ и стихи, силлабическимъ размѣромъ, на пр.: «Орелъ Россійскій въ солнцѣ представленный», цѣлая книга, въ похвалу Царю Алексѣю Михайловичу; «Псалтырь, преложенная въ стихи»; «Риѳмологіонъ», и друг. Онъ едва ли не первый началъ въ Московскихъ церквахъ произносить проповѣди, по примѣру Малороссійскихъ и Польскихъ священниковъ, вмѣсто чтенія поученій изъ Святыхъ Отцевъ. Какъ увидимъ далѣе, писалъ онъ и Славанорусскія Драмы.

Съ особеннымъ блескомъ является на поприщѣ отечественной словесности, въ концѣ этого періода, Св. Димитрій Ростовскій, какъ писатель съ глубокимъ умомъ, сильнымъ чувствомъ и совершенно чистымъ, пріятнымъ языкомъ. Но такъ какъ онъ важнѣйшимъ трудомъ своимъ принадлежитъ уже къ началу XVIII вѣка, то я буду говорить о немъ ниже.

Ко второй половинѣ XVII вѣка, думаю, должно относить собственно начало нашей Поэзіи (1). Хотя намъ представляютъ еще въ XVI

---

(1) За исключеніемъ однакожъ нашихъ пѣсенъ, о которыхъ было упомянуто выше.

вѣкѣ образецъ Славянскихъ стиховъ, писанныхъ силлабическимъ размѣромъ, вошедшимъ къ намъ изъ Польши чрезъ Малороссію—именно, опытъ Герасима Даниловича (1); хотя потомъ, въ началѣ XVII вѣка, Петръ Могила писалъ подобные же стихи и способствовалъ введенію силлабическаго размѣра (2). но это опыты стихосложенія, а не Поэзія. Надобно, чтобы Поэзія выказала свое значеніе, зародилась въ какомъ нибудь опредѣленномъ родѣ: тогда только мы можемъ признать ея начало, слѣд., у насъ, не ранѣе второй половины XVII вѣка: здѣсь зародышъ перваго рода нашей Поэзіи, Драмы. Не излишне нѣсколько на этомъ остановиться.

Сколько извѣстно, еще въ началѣ XVII столѣтія театральныя зрѣлища появились въ Кіевѣ, при Петрѣ Могилѣ. Это были священныя Драмы, или, лучше, сценическіе діалоги, на Польскомъ языкѣ, игранные Студентами Кіевской Академіи. Но во второй половинѣ этого вѣка начали писать Драмы на Славянскомъ языкѣ — Св. Димитрій («Рождество Христово»; «Грѣшникъ кающійся»; «Есѳирь и Агасферъ»; «Во-

(1) Эти стихи припечатаны при его же предисловіи: «о пользѣ, важности и святости книгъ Св. Писанія»—къ Острожскому изданію Славянской Библіи, 1581.

(2) Зизаній и Смотрицкій предлагали Греческій размѣръ: Смотрицкій, для образца, писалъ гекзаметры; но ихъ призывъ остался тщетнымъ.

скресеніе Христово»; «Драма Успенская»; «Драма Димитріевская»), Өеофанъ Прокоповичь («Трагидо Комедія: Владиміръ, всѣхъ Славянороссійскихъ странъ Князь и Повелитель»), и друг. Всѣ означенныя произведенія писаны силлабическими стихами. Впрочемъ, все это еще въ Юго-Западной Россіи. Иногда являлись Кіевскіе Студенты въ Украйнѣ и ближнихъ городахъ Россійскихъ, гдѣ представляли эти Драмы, сопровождая ихъ разными фарсами. Въ 1669 году, Россійскій Посолъ, Лихачевъ, въ первый разъ видѣлъ, во Флоренціи, драматическое представленіе, которое чрезвычайно ему понравилось и возбудило въ немъ удивленіе, какъ видно изъ его письма (1). Онъ ли, возвратясь въ Россію, подалъ мысль Царю Алексѣю Михайловичу либо Боярину Матвѣеву — завести у насъ нѣчто подобное, или театральныя зрѣлища сами собою перешли изъ Малороссіи, неизвѣстно. Достовѣрно то, что въ 1676, по прозьбѣ Матвѣева, Царь дозволилъ пріѣзжей Нѣмецкой трупѣ представить нѣсколько Драмъ въ Потѣшномъ дворцѣ, въ селѣ Преображенскомъ (2). Послѣ этого,

---

(1) Росс. Вивліоѳики, 2 изд., Ч., IV, стр, 350.

(2) Опытъ Кратк. Ист. Русс. литерат., Г. Греча. Въ разрядныхъ запискахъ 1676 года сказано: «Была Комедія въ Преображенскомъ; тѣшили Великаго Государя иноземцы, какъ *Алаферна Царица Царю* голову отсѣкла, и на органахъ играли Нѣмцы да люди дворовые Артемона Сергѣевича Матвѣева...» и проч.

театральныя зрѣлища, подъ надзоромъ Матвѣева, продолжались въ дворцахъ Потѣшномъ и Кремлевскомъ. При Θеодорѣ Алексѣевичѣ, покровительствовавшемъ искусствамъ, драматическимъ писателемъ является Симеонъ Полоцкій. Онъ написалъ: Комедію « О блудномъ сынѣ » и Трагедію « О Навуходоносорѣ, тельцѣ златомъ и трехъ отрокахъ въ пещи »; ему же приписываютъ Драмы: « Алафернъ и Іудиѳь », « Іосифъ съ братьями ». Силлабическій стихъ его менѣе грубъ, чѣмъ у предшественниковъ. — Всѣ драматическія піесы этого времени, по содержанію своему, *духовныя*. Одна только *свѣтская* Комедія переведена на Славянорусскій языкъ, при Θеодорѣ же Алексѣевичѣ, именно «Врачь противу воли» Мольера — и играна приватно во дворцѣ, Царевною Софіею съ благородными дѣвицами и мужчинами. Софія, какъ извѣстно, сама занималась литературою. — Замѣчательно, что, какъ въ Юго-Западной Европѣ возродилась Драма первоначально въ *Мистеріяхъ*, которыхъ содержаніе заимствовалось изъ Св. Писанія, такъ и у насъ Драма началась піесами духовнаго содержанія.

Вотъ краткій очеркъ нашей словесности въ первые два періода народной нашей жизни. Какое же мы выведемъ заключеніе касательно ея направленія и стихій, вошедшихъ въ составъ языка?

Едва вышедшій изъ колыбели, безпрестанно останавливаемый въ своемъ развитіи, духъ на-

родный, во второмъ періодѣ, *восчувствовалъ* и *созналъ* свои силы, но не могъ еще *познать* себя, слѣд., не могъ еще проявиться въ самобытныхъ словесныхъ произведеніяхъ. Скажу болѣе, всѣ почти памятники нашей письменности двухъ первыхъ періодовъ, сколько можно было видѣть изъ предыдущаго обзора, могутъ называться лишь памятниками языка, а не литературы въ томъ смыслѣ, какъ я принимаю и старался уже высказать: Поэзія только зарождается; Краснорѣчіе въ пеленахъ. Здѣсь только образуется наружная форма словесности, языкъ народный. Мы слѣдили за его развитіемъ, видѣли, какъ онъ первоначально слагался изъ трехъ стихій: *Славяно-Русской, Скандинавской* и *Финской*, къ которымъ впослѣдствіи привились еще новыя: *Греческая, Монгольская* и, наконецъ, *Латино-Польская*. Прибавлю, что во время господства Удѣлизма, скорому образованію общаго народнаго языка мѣшали областныя нарѣчія, получавшія наибо́льшія видоизмѣненія тамъ, гдѣ утверждались престолы Удѣльныхъ Князей, особенно престолы Великокняжескіе. Но, по мѣрѣ уничтоженія Удѣловъ и сосредоточенія силъ въ центрѣ Великой Россіи, въ Княжествѣ Московскомъ, областныя различія стирались мало-по малу — и всѣ стихіи языка, слившись воедино, образовали общій народный языкъ, *Великороссійскій*. Этотъ языкъ, въ концѣ XVII столѣтія, является уже бога-

пымъ, но неразработаннымъ рудникомъ, ожидавшимъ искусныхъ дѣлателей.

Но и въ этихъ слабыхъ начаткахъ словесности должно было означиться какое либо *направленіе,* зависящее отъ трехъ дѣятелей или стихій народной жизни: *религіозности, гражданственности* и *умственности* (1), изъ бóльшаго или меньшаго развитія которыхъ слагается жизнь каждаго народа. У насъ, въ первые вѣка, какъ и у всѣхъ младенчествующихъ народовъ, преимуществуетъ почти исключительно развитіе *религіозное*, которое Греческая Имперія старалась питать и не переставала поддерживать до самаго своего паденія; *гражданственность* лишь зачинается вмѣстѣ съ Единодержавіемъ; а *учености* видѣнъ только зародышъ въ XVII вѣкѣ, *вѣкѣ Патріаршества.* Поэтому, и въ нашей словесности первыхъ періодовъ направленіе почти исключительно *духовное,* уклоняющееся нѣсколько, съ XVI вѣка, въ *законодательное,* слѣд., въ гражданское (изданіемъ «Стоглава» — «Судебника» — «Уложенія»), но еще господствующее и въ началѣ XVIII вѣка. Только съ XVIII столѣтія Россія, внесенная Петромъ Великимъ въ первый рядъ Европейскихъ Державъ, начинаетъ жить Евро-

---

(1) Подъ *умственностію* я разумѣю вообще всю внутреннюю, умственную жизнь народа: она состоитъ изъ двухъ элементовъ — *учености* и *художественности.*

пейскою жизнію; въ умственномъ развитіи высказывается *ученое* направленіе; народный духъ, вполнѣ сознавъ свои силы, начинаетъ познавать себя — и, слѣд., здѣсь только начало нашей литературы, какъ самобытнаго выраженія народной жизни.

ГЛАВА III.

Отъ Петра I до Ломоносова.

Прежде нежели приступлю я къ обозрѣнію третьяго періода нашей умственной жизни, періода собственно литературнаго, что составляетъ настоящій предметъ этого сочиненія,—считаю не излишнимъ отдать отчетъ моимъ читателямъ въ томъ способѣ разсмотрѣнія, который я себѣ предположилъ.

Цѣль моя — опредѣлить общій характеръ и направленіе нашей словесности. Я уже высказалъ, что понимаю подъ *направленіемъ* въ словесности: повторю, оно опредѣляется преимущественнымъ вліяніемъ на нее трехъ дѣятелей народной жизни—*религіозности, гражданственности* и *умственности*, (т. е. *художественности и учености*). Но есть еще важный вопросъ: означить степень самобытности въ этомъ направленіи. Въ чемъ же состоитъ рѣшеніе этого вопроса?

Если безспорно, что человѣчество имѣетъ высшую цѣль, къ достиженію которой стремится въ своемъ духовномъ совершенствованіи,

то назначеніе всѣхъ народовъ—способствовать этому *общему* развитію. Но это развитіе вѣковое, слѣд., каждый народъ, въ своей частной жизни, можетъ участвовать въ немъ только ограниченно, т. е., можетъ развить только извѣстную сторону *общей* идеи человѣчества, ту *частную* идею, къ осуществленію которой онъ призванъ. Поэтому, въ умственной жизни каждаго народа должно быть нѣчто *общее*, должны быть видны слѣды вліянія умственной жизни другихъ народовъ, упредившихъ его на поприщѣ образованія: потому что его развитіе есть какъ-бы продолженіе ихъ развитія; вмѣстѣ съ тѣмъ, должно выразиться и *свое*, самобытное, народное, какъ слѣдствіе той идеи, которую онъ проявляетъ. А такъ какъ словесность есть непосредственное выраженіе внутренней жизни народа, то и въ ней долженъ повториться тотъ же законъ. Отдѣлить въ словесности плодъ чуждаго вліянія отъ того, что дѣйствительно есть выраженіе народнаго духа—значитъ опредѣлить степень самобытности въ этомъ направленіи.

При первомъ взглядѣ на литературу нашу въ третьемъ возрастѣ народномъ, т. е., съ Петра I, замѣтны рѣзкія отличія въ ея постепенномъ развитіи, — вслѣдствіе которыхъ она распадается на три отдѣла, на три новыхъ періода, имѣющихъ свою особенную характеристику. Первая четверть XVIII столѣтія проходитъ у насъ въ реформаціи, какъ политиче-

ской, такъ и умственной. Петръ Великій, на развалинахъ Азіатскаго варварства, занесеннаго къ намъ Монголами, создаетъ изъ нашего отечества новое политическое тѣло, сближаетъ его съ Европою, прививаетъ ему Европейскую жизнь. Занятый преобразованіемъ своего Государства во всѣхъ частяхъ, онъ не могъ еще заняться исключительно нашимъ умственнымъ образованіемъ,—но сдѣлалъ всё, что могъ, сблизилъ насъ съ просвѣщенными иностранцами, даровалъ намъ гражданское письмо, указалъ учиться— и мы начали учиться, такъ сказать, съ азбуки. Здѣсь *первый* періодъ нашей словесности, направленной могучею волею Преобразователя, періодъ *реформаціи Петровой*. Достойная дщерь Великаго, Елисавета, быстро распространяетъ начатое родителемъ—и въ ея царствованіе собственно зачинается наша *ученость*. Языкъ отечественный уже требуетъ постоянныхъ правилъ и образцовъ: является великій талантъ, Ломоносовъ, даетъ ему и правила и образцы почти во всѣхъ родахъ —и чрезъ всё столѣтіе сообщаетъ нашей словесности своё вліяніе, направляетъ её своимъ примѣромъ. Отсюда *второй* періодъ нашей литтературы, *Ломоносовскій*. Наконецъ, новый вѣкъ приноситъ новыя понятія: они дѣйствуютъ и на насъ, преобразовываютъ нашу словесность. Здѣсь начинается *третій* періодъ, и такъ далѣе. Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ быстрѣе преобразованія: характеръ литтературы

дѣлается болѣе и болѣе сложнымъ — и уловить его гораздо труднѣе. Такъ какъ мы здѣсь ограничиваемся обзоромъ словесности XVIII столѣтія, то намъ предлежитъ разсмотрѣть лишь два періода: 1) отъ Единодержавія Петра I (1689), или отъ начала XVIII вѣка, до Императрицы Елисаветы (1741), или до Ломоносова; 2) отъ Елисаветы до начала XIX вѣка, или до Карамзина включительно: Карамзинъ, отчасти принадлежа обоимъ столѣтіямъ, достойнымъ образомъ заключаетъ литературу восьмнадцатаго вѣка и связываетъ её съ литературою девятнадцатаго,—слѣд., разсмотрѣніе трудовъ его и вліянія на нашу словесность должно войти въ составъ этого сочиненія.

Какимъ же образомъ будемъ мы разсматривать каждый изъ этихъ періодовъ?—Если справедливо сказанное мною, что умственная жизнь каждаго народа развивается въ связи съ жизнію всего человѣчества, слѣд., необходимо испытываетъ вліяніе другихъ народовъ, упредившихъ его на поприщѣ образованія, — то, обозрѣвая извѣстную словесность, какъ проявленіе внутренней жизни народа, необходимо первоначально составить себѣ понятіе о современномъ состояніи всего умственнаго міра. Отсюда естественный переходъ къ народному просвѣщенію, опредѣляющему литературу. Наконецъ уже можно приступить къ обозрѣнію самой словесности, слѣдя её въ находимыхъ родахъ. Въ каждомъ родѣ, сообразно съ нашею цѣлію, по-

стараемся означить то вліяніе, подъ которымъ онъ развивался, опредѣлишь степень его самобытности. Необходимо указать представителей. Разумѣется, здѣсь неумѣстно и безполезно подробное исчисленіе писателей. Если, въ очеркѣ двухъ первыхъ періодовъ нашей литературы, позволилъ я себѣ нѣкоторую подробность въ исчисленіи произведеній, то потому единственно, что почитаю ихъ, за немногими исключеніями, лишь памятниками языка, а не словесности. выставляя на видъ все замѣчательное, я желалъ подкрѣпить свое мнѣніе, что у насъ тогда не было еще литературы въ истинномъ смыслѣ. Здѣсь же подобная подробность невозможна: цѣлые томы составятся изъ одного исчисленія словесныхъ произведеній этого времени; притомъ, повторяю, эта подробность не умѣста, какъ несообразная съ цѣлію настоящаго изслѣдованія: здѣсь означатся только рамы, въ которыя можетъ быть вставлена полная Исторія нашей словесности. Поэтому, изъ писателей будетъ обращено вниманіе только на тѣхъ, которые имѣли значеніе въ нашей литературѣ, т. е., могутъ быть представителями какого либо рода словесности и того вліянія, подъ которымъ онъ развивался. Особенно жъ остановиться позволю себѣ только на замѣчательныхъ талантахъ, имѣвшихъ рѣшительное вліяніе на свою эпоху.

Вотъ на какихъ основаніяхъ и въ какомъ порядкѣ намѣренъ я обозрѣть означенные два пе-

ріода нашей словесности, чтобъ извлечь результатъ, могущій показать общій характеръ и направленіе Русской словесности XVIII столѣтія.

XVIII вѣкъ неизгладимо врѣзалъ о себѣ память въ скрижали человѣчества, по своему отличительному характеру, по своему гибельному, но, безъ сомнѣнія, непреложному назначенію. Какъ необходимое звено въ цѣпи вѣковъ, въ жизни человѣчества, онъ не могъ быть явленіемъ особымъ, отдѣльнымъ, но долженъ быть въ неразрывной связи съ вѣками предыдущими, въ нихъ имѣть свои корни. Поэтому, самое назначеніе его не можетъ-ли намъ объясниться нѣсколько изъ событій предшествовавшихъ?

Когда чистая вѣра Христова омрачилась злоупотребленіями Католицизма, когда ученіе Западной церкви облеклось въ формы схоластическія— и эти формы угрожали подавить идею Религіи, тогда духъ Христіанства устремился къ освобожденію изъ оковъ своихъ, устремился къ возрожденію. Насталъ XVI вѣкъ—и подъяла главу Реформація: это первая борьба духа новаго съ духомъ временъ Среднихъ. Не стану говорить о томъ, что Реформація впослѣдствіи зашла, можетъ быть, въ другую крайность (1),—дѣло

---

(1) Въ крайность излишняго, такъ сказать, *опрощенія* идеи Христіанства. Наше Православное исповѣданіе пред-

въ томъ, что она была явленіемъ необходимымъ. Ея слѣдствія развиваются и въ XVII столѣтіи: Революція Англійская, по видимому политическая, тамъ же имѣетъ свой корень—и продолжаетъ борьбу съ духомъ Среднихъ временъ.

Наконецъ, вступаетъ на поприще дѣйствованія XVIII вѣкъ. Его назначеніе,—какъ справедливо замѣчаетъ Кузень (2),—покончить дѣло съ вѣками Средними. Философія XVIII столѣтія, подъискиваясь подъ законы Схоластики, подъ ея условныя формы, стремится все извѣдать опытомъ, вооружается скептицизмомъ, отвергаетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ синтезъ—и, съ помощію одного анализа, какъ съ анатомическимъ ножомъ, смѣло приступаетъ къ дѣлу, излишне надѣясь на свои силы. Это стремленіе до всего дознаться опытомъ, внѣ котораго не признавать ничего, все разлагать аналитически—стремленіе, доведенное до крайности, сообщаетъ этому вѣку отличительный характеръ, заслужившій ему справедливое названіе вѣка *разрушительнаго*.

Такова слабость разума человѣческаго: онъ никогда не сознаетъ своей ограниченности и всегда зайдетъ въ крайность! Философія XVIII

ставляетъ счастливое равновѣсіе религіозной идеи съ формою, необходимою для ея проявленія.

(2) Въ своей «Исторіи Философіи».

вѣка, стремясь разрушить схоластическія, злоупотребленныя формы, въ которыя облекли Религію во времена Среднія, коснулась святотатственно и самой идеи религіозной. Не остановясь на первомъ шагѣ, но ринувшись далѣе въ какомъ-то чудномъ забвеніи, она, съ безсмысленнымъ кощунствомъ, взглянула въ лице Свѣту истины. Отсюда всѣ злоупотребленія этой философіи. Отсюда ложное ученіе Энциклопедистовъ, имѣвшихъ такое странное понятіе о Богѣ, человѣкѣ и природѣ. Поприщемъ дѣйствій этой школы была Франція; поборниками, подъ знаменемъ Вольтера,—Кондильякъ, принявшій Локкову систему, но исказившій её и обратившій Локковъ эмпиризмъ въ чистый матеріализмъ, Дидеро, Мармонтель, Даламберъ, и друг.— Посмотримъ, какое вліяніе имѣла эта аналитическая, матеріальная, ложная философія на весь міръ умственный.

При такой свободной и неутомимой дѣятельности ума, область наукъ должна была пріобрѣсти многое. Къ сожалѣнію, одностороннее направленіе ума лишило всякаго развитія двѣ главныя науки — о Богѣ и о человѣкѣ. Но, посмотрите, какъ расширились предѣлы наукъ по преимуществу опытныхъ, наукъ Естества. Въ XVIII вѣкѣ процвѣтаютъ: Математика, Астрономія, Физика, Естественная Исторія, Геологія, Физическая Географія, Политическая Экономія, и мн. др. Стоитъ только, для славы вѣка, упомянуть нѣсколько именъ, по разнымъ отра-

слямъ знанія: Эйлеръ, Лагранжъ, Лапласъ, Галлеръ, Гершель, Гальвани, Франклинъ, Вольта, Лавоазье, Анкетиль, и проч. и проч.

Но если въ XVIII вѣкѣ процвѣтаютъ науки, и особенно, науки Естества, опыта,—зато какое безотрадное зрѣлище являетъ поприще, гдѣ преимущественно выказывается высокое достоинство человѣка, поприще творческой его дѣятельности—разумѣю, Изящныя искусства! Человѣкъ былъ униженъ въ понятіи вѣка—и не являлъ своего достоинства. Искусства пластическія въ совершенномъ упадкѣ. Музыка, правда, процвѣтаетъ; но музыка мало подлежитъ вліянію умственнаго направленія. Въ какомъ же состояніи находится Изящная словесность? Краснорѣчіе почти не существуетъ: одинъ Массильйнъ является умирающимъ эхомъ Боссюэта. Поэзія, мирный цвѣтъ гражданской жизни, не могла развиться въ вѣкѣ разрушительномъ, гдѣ все ниспровергалось и ничто еще не установилось,—не могла ужиться съ вѣкомъ, гдѣ голосъ непорочной души былъ бы предметомъ безсмысленныхъ насмѣшекъ мнимой мудрости. Во Франціи: Вольтеръ, какъ Поэтъ, повторяетъ вѣкъ Людовика XIV. Въ Англіи: Попе, Драйденъ, Адиссонъ — копируютъ Мильтона. Въ Италіи: у Альфьери и Метастазія много гармоніи, искусственнаго одушевленія, но нѣтъ истинной Поэзіи. Лишь одна Германія служитъ ей убѣжищемъ: являются Клопштокъ, Шиллеръ, Ге-

ніе,—но въ нихъ еще не вслушиваются, ихъ мало понимаютъ.

Вотъ вредное, гибельное вліяніе ложной философіи XVIII вѣка на Изящную словесность!

При такомъ состояніи умственнаго міра Европы, явился въ Россіи геній-преобразитель, Петръ Великій. Кто не знаетъ его подвиговъ во славу Россіи! Кто не знаетъ его благодѣтельной реформаціи! Пересозданная, возвеличенная имъ Россія дивнымъ колоссомъ явилась на политическомъ поприщѣ Европы. Исчислять всѣ дѣйствія мудраго Монарха по всѣмъ частямъ гражданскаго образованія, значитъ повторять всѣмъ извѣстное. Ограничусь указаніемъ на главное, прямо относящееся къ успѣхамъ нашего просвѣщенія.

Видя, какъ далеко отстала Россія отъ другихъ Державъ Европейскихъ въ просвѣщеніи, Петръ I вознамѣрился какъ можно тѣснѣе съ ними сблизиться, перенять все лучшее — и перенести къ себѣ. Съ этою цѣлію предпринялъ онъ свое первое путешествіе за границу (1697—1698), гдѣ самъ все высматривалъ, все узнавалъ, дабы впослѣдствіи передать своему народу. Въ то же время разсылалъ онъ юныхъ Россіянъ по иностраннымъ городамъ для образованія. Эти дѣйствія положили основаніе сближенію Россіи съ Европейскимъ просвѣщеніемъ.

Въ 1698 году, Петръ I далъ Амстердамскому типогравщику Тессингу на 15 лѣтъ привиллегію—печатать и продавать для Россіи книги,

ландкарты, рисунки и проч. (1). Вскорѣ (около 1704) самъ Государь изобрѣлъ новое Русское гражданское письмо, примѣнивъ его къ Латинскому—и новыми буквами, вылитыми въ Голландіи, отпечатанъ, 1705, листъ первыхъ въ Россіи «Вѣдомостей» (2), въ Московской Духовной Типографіи. Потомъ безпрестанно заводились новыя Типографіи въ 1709, въ Москвѣ, Василіемъ Купріяновымъ (первая вышедшая здѣсь книга «Брюсовъ календарь»); въ Петербургѣ, по повелѣнію Петра, для печатанія Указовъ (первая вышла: «Марсова книга», 1713; а 1714 напечатаны первыя «Санктпетербургскія Вѣдомости»); въ 1719, заведена Типографія при Сенатѣ (первая книга: «Собраніе Указовъ съ 1714 по 1719»); въ 1720,—въ Александроневскомъ монастырѣ, и т. д. Изобрѣтеніемъ гражданскаго письма положено начало успѣхамъ языка народнаго, отдѣлившагося отъ церковнаго; а основаніе Типографій приготовило орудія для зарождающейся литературы.

---

(1) Этотъ Тессингъ, съ помощію Ильи Копьевича, Бѣлорусскаго Студента, напечаталъ нѣсколько книгъ на Русскомъ языкѣ, напр., «Краткое введеніе во Всеобщую Исторію»—«Треязычный Словарь»—«Латинскую Грамматику, съ Русскимъ переводомъ» и проч. Печатаніе Русскихъ книгъ въ Амстердамѣ продолжалось и по смерти Тессинга.

(2) Бакмейстеръ относитъ введеніе въ Московскую Типографію гражданскихъ буквъ къ 1707—и первою напечатанною книгою полагаетъ: «Приклады, какъ пишутся комплименты». Оп. о Библ., стр. 74.

Нельзя не изумляться великому числу основанныхъ Петромъ I-мъ народныхъ, духовныхъ и другихъ училищъ! Собственно для Дворянства учреждены: Артиллерiйское училище, Инженерное, Навигацiонная Школа, Морская Академiя.

Еще съ 1698, особенно же въ 1717, Петръ I началъ собирать Кунсткамеру, а съ 1714—Библiотеку (1), присоединенныя впослѣдствiи къ Академiи Наукъ. Основанiе самой Академiи, по совѣту Лейбница, относится къ послѣднимъ годамъ Петровой жизни: это важное событiе въ лѣтописяхъ отечественнаго просвѣщенiя! Уже начертанъ былъ планъ этого заведенiя, Президентомъ избранъ Лейбъ-Медикъ Лоренцъ Блументростъ, приглашены въ Члены многiе ученые иностранцы; но скорая кончина Монарха (1725) не дозволила ему видѣть открытiе Академiи.

Екатерина I, Указомъ 21 Декабря, 1725, утвердила учрежденiе Академiи, въ которой первое засѣданiе открыто 27 Декабря (по другимъ 25). Изъ вызванныхъ сюда ученыхъ иностранцевъ особенно замѣчательны Байеръ и Миллеръ, какъ первые критики по части отечественной Исторiи. Въ Академiи было особое отдѣленiе Художествъ; а Екатериною I-ю присоединена къ ней Гимназiя (до 1762 г. называвшаяся Университетомъ), для образованiя Учителей.

---

(1) Ibid.

Въ царствованіе Анны Іоанновны, тягостное властительство Бирона не благопріятствовало народному образованію. Нельзя однакожъ не замѣтить основанія Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго корпуса, 1732, и составленія, при Академіи Наукъ, подъ предсѣдательствомъ Барона Корфа, *Россійскаго Собранія*, открытаго рѣчью Профессора Тредьяковскаго, 1735; но труды этого Собранія намъ не извѣстны.

Вотъ главныя дѣйствія Петра Великаго и Преемниковъ его въ пользу отечественнаго просвѣщенія, въ продолженіе первой половины XVIII вѣка, до Елисаветы. Очевидно, при всей благотворности такихъ дѣйствій, наше умственное образованіе лишь начиналось. Впрочемъ, этотъ періодъ ознаменованъ неутомимымъ собираніемъ географическихъ и статистическихъ свѣденій: замѣчательны открытія Беринга. Появились даже опыты—изъ матеріаловъ Росс. Исторіи, уже разрабатываемыхъ учеными иностранцами (Байеромъ, Миллеромъ), составить нѣчто цѣлое,—опыты Хилкова, Татищева. Но это еще слабыя начинанапія! Хотя, вразсужденіи развитія силъ гражданскихъ вообще, этотъ возрастъ народный, съ Петра I, можетъ уже считаться періодомъ мужества; но, въ отношеніи къ жизни умственной и литературной, перерожденная великимъ Преобразователемъ, Россія снова является юною, лишь начинающею пріобрѣтать умственныя силы. Не странно ль послѣ этого искать и сильнаго Краснорѣчія и

глубокой Поэзіи, однимъ словомъ, изящныхъ произведеній словесности -- въ первыхъ, безсознательныхъ вѣкахъ нашей Исторіи?

Вліяніе современнаго Европейскаго просвѣщенія на наше отечественное, слѣд., и на нашу литературу, не могло ярко означиться въ первой половинѣ XVIII столѣтія: начальная четверть его проходитъ, какъ я уже сказалъ, въ реформаціи; новый порядокъ вещей едва успанавливается; ученость только зарождается и не можетъ еще выказать опредѣленнаго направленія. По этимъ причинамъ, явленія народной жизни въ началѣ вѣка долженствовали носить еще слѣды предшествовавшаго состоянія, быть отчасти его продолженіемъ. Мы видѣли, что въ предыдущихъ вѣкахъ, до XVII го включительно, направленіе нашей внутренней жизни было исключительно *религіозное:* оно господствуетъ и въ началѣ XVIII вѣка; тамъ представителями учености Духовные: здѣсь также. Эти Духовные, образовавшіеся въ Польшѣ или въ Малороссіи, подъ вліяніемъ Латинскаго ученія, собираясь къ престолу Петра Великаго, приносятъ съ собою и правильное витійство, незнакомое слуху Великороссіянъ и, вмѣстѣ, порчу языка, искаженнаго латинизмами и полонизмами. Встрѣтя новый гражданскій языкъ, покровительствуемый Монархомъ, они стараются сблизиться съ этимъ языкомъ — и еще болѣе портятъ свой собственный, испестривъ его словами простонародными и реченіями ино-

страннымн, вкравшимися изъ-за границы вмѣстѣ съ гражданскимъ устройствомъ.

Одинъ Св. Димитрій (род. 1651, ум. 1709), Митрополитъ Ростовскій, прославившійся въ Малороссіи проповѣдью Слова Божія, и призванный Петромъ въ Москву, 1701,—одинъ онъ, держась языка церковнаго и счастливо его сближая съ народнымъ, умѣлъ сохранить этотъ языкъ въ совершенной чистотѣ, умѣлъ имъ писать правильно и пріятно. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны его «Четіи-Минеи», или Житія Святыхъ, расположенныя на 12 мѣсяцовъ, въ четырехъ книгахъ (которыя оканчивалъ онъ въ 1689, 1695, 1699 и 1705 г.). Въ этомъ необъятномъ трудѣ онъ руководствовался Житіями, писанными Метафрастомъ и Макаріемъ. Произведенія Св. Димитрія—сокровищница языка Славянорусскаго. Святитель оставилъ много другихъ сочиненій историческихъ, догматическихъ, также нѣсколько стихотворныхъ Драмъ, указанныхъ выше. Изъ всѣхъ его твореній, думаю, на ряду съ «Четіями-Минеями» могутъ занять мѣсто «Поучительныя слова», исполненныя святыхъ истинъ и убѣдительности.

Знаменитымъ современникомъ Св. Димитрія былъ Стефанъ Яворскій (род. 1658, ум. 1722), Митрополитъ Рязанскій и Блюститель Патріаршаго престола (потомъ Президентъ Святѣйшаго Синода). Этотъ духовный Витія, образовавшійся въ Польскихъ училищахъ и Кіевской

Академіи, въ бытность свою въ Москвѣ, 1700, произнесъ, по желанію Петра I, надгробное слово при погребеніи Шеина — и талантомъ ораторскимъ обратилъ на себя вниманіе Монарха, умѣвшаго цѣнить и поощрять достоинства. Съ тѣхъ поръ онъ быстро достигъ высшихъ духовныхъ степеней — и всегда пользовался особеннымъ уваженіемъ Государя. Онъ писалъ Слова догматическія, нравоучительныя, похвальныя и другія сочиненія; писалъ и стихи, на Латинскомъ и Польскомъ языкахъ. Замѣчательнѣйшее изъ произведеній его: «Камень вѣры Православно-Каѳолическія Восточныя Церкви Святыя сынóмъ на утвержденіе и духовное созиданіе, претыкающимся же о камень претыканія и соблазна на востаніе и исправленіе», — гдѣ опровергаетъ онъ нѣкоторыя злоупотребленія, вкравшіяся въ Восточную Церковь. Эта книга напечатана уже по смерти его. Хотя Стефанъ Яворскій держался слога библейскаго; но языкъ его не такъ правиленъ и чистъ, какъ у Св. Димитрія.

Болѣе всѣхъ прославился ученостію и даромъ витійства знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ (род. 1681, ум. 1736), Архіепископъ Новгородскій и первенствующій Членъ Святѣйшаго Синода. Онъ началъ воспитываться въ Кіевской Академіи и Литовскихъ училищахъ. Жажда къ познаніямъ увлекла его въ иностранныя Государства: въ Римѣ довершилъ онъ свое образованіе. Обогативъ себя глубокими, обширными позна-

ніями, онъ возвратился въ Малороссію, принялъ чинъ инока—и поступилъ, 1704, Учителемъ Стихотворства въ Кіевскую Академію. Когда Петръ I, послѣ Полтавской битвы, прибылъ въ Кіевъ, 1706, Ѳеофанъ встрѣтилъ его поздравительнымъ Словомъ. Съ этого времени Монархъ обратилъ на него особенное вниманіе. Быстро проходилъ Ѳеофанъ разныя духовныя степени. Въ 1716, призванъ онъ Государемъ въ Петербургъ—и, въ продолженіе времени, пріобрѣлъ полную его довѣренность. Нельзя не удивляться его всеобъемлемости: онъ писалъ о разнообразныхъ предметахъ, на Латинскомъ, Польскомъ и Русскомъ языкахъ. «Архипастырь сей»—говоритъ о немъ Г. Гречь (1)—«прозванный Россійскимъ Златоустомъ, почитался по справедливости просвѣщеннѣйшимъ мужемъ своего времени. Одно исчисленіе его сочиненій возбуждаетъ удивленіе къ его многообразнымъ занятіямъ (2). Онъ сочинялъ книги богословскія, историческія, политическія и прагматическія, Проповѣди, Рѣчи похвальныя и надгробныя; писалъ и стихи, въ которыхъ видна необыкновенная острота его ума». Истинное же торжество его—на поприщѣ духовнаго Красноречія. Черты его витійства удачно уловлены въ разсужденіи Г.

---

(1) Опытъ Кр. Ист. Рус. Лит., стр. 381.

(2) См., напр., Словарь М. Евгенія, Т. II, стр. 303 и слѣд.

Каченовскаго: « О успѣхахъ Русскаго Витійства »; мнѣ остается только повторить слова его (3): « Ѳеофанъ имѣлъ отличную способность пріятно произносить Слова свои предъ слушателями. Современники могли услаждаться голосомъ его, тѣлодвиженіями, выраженіемъ лица; но для насъ не существуетъ эта прелесть, которою иногда славятся и посредственные Ораторы. Мы смотримъ на вѣковыя достоинства Ѳеофановы, на зрѣлыя мысли его, на силу доказательствъ, на ораторскую хитрость въ употребленіи способовъ удостовѣрить и убѣдить слушателей, и особливо, на искусное расположеніе частей слова.» Прибавлю, между нашими духовными Витіями Ѳеофану безспорно принадлежитъ пальма первенства. Можно упрекнуть его развѣ въ излишней учености, которую онъ расточалъ въ своихъ Словахъ. Главный же въ немъ недостатокъ—нечистота языка, испещреннаго множествомъ простонародныхъ, Польскихъ и другихъ иностранныхъ реченій. Но это общій недостатокъ его времени. Надобно замѣтить, что Петръ Великій имѣлъ въ Ѳеофанѣ ревностнаго и полезнаго сотрудника: немногіе такъ хорошо понимали и понимаютъ подвиги творца величія Россіи! Онъ убѣдительно доказывалъ пользу новыхъ перемѣнъ и учрежденій, краснорѣчиво прославлялъ чудесные подвиги безсмерт-

---

(3) Труд. Общ. люб. Росс. словесн., Ч. I, стр. 35.

наго Преобразователя, сильно изобличалъ упорное невѣжество. Ученый, добродѣтельный Архипастырь, до кончины своей, пользовался особеннымъ уваженіемъ Петра I и его Преемниковъ.

Менѣе славный, но замѣчательный Ораторъ духовный Петрова времени — Гавріилъ Бужинскій (род. въ концѣ XVII в., ум. 1731), Епископъ Рязанскій и Малороссійскій. Онъ обучался въ Кіевской Академіи, прибылъ въ Москву, и, находясь въ званіи сперва Учителя, а потомъ Префекта Московской Академіи, прославился своими проповѣдями. Петръ I призвалъ его въ Петербургъ, 1719—и опредѣлилъ во флотъ Оберъ-Іеромонахомъ. Въ этомъ званіи, и въ слѣдующихъ продолжалъ онъ проповѣдывать Слово Божіе, заслуживая одобреніе самаго Монарха и всѣхъ своихъ слушателей. Слова его отличаются обиліемъ мыслей и убѣдительностію краснорѣчія. Онъ писалъ языкомъ богослужебнымъ, стараясь сохранять чистоту его и важность; но не могъ избѣгнуть употребленія иностранныхъ реченій. Замѣчу вообще для того времени, что новыя вещи и понятія требовали и новыхъ словъ, не находимыхъ еще въ гражданскомъ языкѣ, и тѣмъ менѣе въ церковномъ, отвергающемъ всякое пріобрѣтеніе: слѣд., нельзя совершенно винить тогдашнихъ Ораторовъ за нечистоту и неровность языка.

По стопамъ этихъ мужей шли и другіе духовные Витіи, подражая ихъ достоинствамъ и

повторяя недостатки. Замѣчательны: Ѳеофилактъ Лопатинскій и Варлаамъ Леницкій.

Вообще наши духовные Ораторы XVIII вѣка имѣютъ общій важный недостатокъ: они уклонились отъ высокихъ образцовъ духовнаго Краснорѣчія—отъ Отцевъ Церкви, а подражали новымъ Ораторамъ—Боссюэту, Массильёну. Такъ сильно уже было вліяніе Запада!

Тѣмъ не менѣе, мы можемъ гордиться блистательнымъ у насъ процвѣтаніемъ духовнаго Витійства въ этомъ періодѣ. Но, можно замѣтить, это Витійство не есть исключительно дѣло XVIII вѣка: образованіемъ своимъ оно принадлежитъ XVII вѣку: оно прекрасный цвѣтъ его. Но и современный вѣкъ долженъ былъ оказать на него свое вліяніе — и оказалъ въ лицѣ Петра, все направлявшаго своей мощной волею. Великій Монархъ, силою своихъ подвиговъ, самъ дѣлается предметомъ этого Витійства; всѣ Ораторы, и при жизни и по смерти его, обращаются къ его прославленію—и чрезъ это Духовное наше Краснорѣчіе, теряя свой чисто-религіозный характеръ, склоняется къ *похвальному*.

Такъ еще господствовало въ нашей народной жизни развитіе *религіозное*. Мнѣ кажется, слѣдя нашу Исторію, не должно терять изъ виду идеи религіозной: она есть неразрывная связь и часто двигатель всѣхъ нашихъ политическихъ событій; ея же господство подтверждается и судьбою нашей литературы, которой почти

исключительный характеръ, отъ зарожденія до половины XVIII вѣка — *религіозность.* Почти всѣ представители словесности до второй четверти XVIII вѣка — Духовные.

Нашу гражданскую литературу, рядъ *свѣтскихъ* писателей, начинаетъ замѣчательный человѣкъ своего времени — Поэтъ, Князь Антіохъ Дмитріевичь Кантемиръ (род. 1708, ум. 1744). Вся жизнь его есть безкорыстное, пламенное стремленіе къ просвѣщенію. Онъ изучилъ Древнихъ; владѣя многими языками, знакомъ былъ съ лучшими литературами; обладалъ большими познаніями и обширною начитанностію. Любимымъ же занятіемъ его была Русская словесность, въ которой онъ не находилъ еще образцовъ. Хотя Кантемиръ писалъ свои стихи силлабическимъ размѣромъ, но зналъ уже, что Русскому языку свойственно другое стопосложеніе: это доказывается письмомъ его «о Русскомъ стихосложеніи», подъ вымышленнымъ именемъ Харитона Макентина. Изъ его твореній, первое мѣсто занимаютъ Сатиры, числомъ восемь. Почти излишне говорить, что изученіе древнихъ и новыхъ образцовъ иностранныхъ имѣло на нихъ непосредственное вліяніе,— это очевидно: такъ V Сатира есть подраженіе Боало (VIII С.), а VI — Горацію (I С., I Кн.); въ IV же онъ самъ означаетъ своихъ образцовъ:

«Буде смѣешь указать ты на *Ювенала*,
Персія, Горація, мысля, что какъ встала

Имъ отъ Сатиръ не бѣда, но многая слава,
Что какъ того жъ *Боало* причастникъ былъ права, —
То ужъ и мнѣ, что *слѣды ихъ топчу*, довлѣетъ
То жъ счастье....»

Почти вездѣ онъ пользуется мыслями древнихъ Сатириковъ. Но и на заимствованія налагаетъ онъ свою краску; въ самомъ подражаніи умѣетъ быть оригинальнымъ: какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, видите вы въ немъ современные предразсудки, слабости, пороки общества. Онъ превосходно живописуетъ. Въ немъ найдете неподдѣльную, добродушную насмѣшливость, оригинальный юморъ. Порою онъ умѣетъ быть язвительнымъ и сильнымъ, одушевляясь негодованіемъ и бичуя ненавистные ему пороки.

Касательно поэтическихъ достоинствъ Кантемира и его отношенія къ древнимъ Сатирикамъ, мы имѣемъ прекрасное разсужденіе Г. Жуковскаго (1). Выписываю нѣсколько мыслей его о нашемъ Сатирикѣ (2): «*По языку* и *стопосложенію*, Кантемиръ долженъ быть причисленъ къ стихотворцамъ стариннымъ; но, по *искусству*, онъ принадлежитъ къ новѣйшимъ и самымъ образованнымъ. Читая Сатиры его, видишь предъ собою ученика Гораціевъ и Ювеналовъ, знакомаго со всѣми правилами Стихотворства, со всѣми превосходными образцами древней и новой Поэзіи».

---

(1) См. Соч. въ прозѣ.

(2) Ibid.

Въ этомъ прекрасномъ разборѣ, мнѣ кажется, только то выпущено изъ виду, что Кантемиръ, въ своихъ Сатирахъ, является, такъ сказать, отголоскомъ воли Петра Великаго. Тѣ предразсудки и пороки общества, которые наиболѣе старался искоренить Преобразователь, неумолимо бичуются въ Сатирахъ Кантемира, являющагося такимъ образомъ какъ-бы сотрудникомъ Монарха въ великомъ дѣлѣ преобразованія Россіи—и съ этой точки преимущественно должно разсматривать эти произведенія. Легко себѣ представляешь, какой ропотъ въ нашихъ предкахъ должны были произвести рѣшительныя мѣры Петра въ пользу нашего просвѣщенія — и вотъ I Сатира Кантемира гремитъ противъ «хулящихъ ученіе». Духъ *мѣстничества,* остановленный въ своихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ Θеодоромъ Алексѣевичемъ, но еще питавшійся внутренно нашими Боярами и искоренявшійся Петромъ — вызвалъ противъ себя II Сатиру Кантемира: «на зависть и гордость дворянъ злонравныхъ». Наконецъ, въ VII Сатирѣ (Князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому), «о воспитаніи», доказываетъ онъ, повторяя волю Петра, необходимость давать дѣтямъ воспитаніе, чѣмъ дотолѣ пренебрегали. Замѣчательно здѣсь мѣсто, гдѣ онъ указываетъ на Петра, какъ начинателя нашего просвѣщенія (ст. 60):

«Большу часть всего того, что въ насъ приписуемъ
Природѣ, если хотимъ изслѣдовать зрѣло,

Найдемъ воспитанія одного быть дѣло —
И зналъ то мудрымъ умомъ Монархъ одаренный,
Петръ, Отецъ нашъ, никакимъ трудомъ утомленный,
Когда труды его намъ въ пользу были нужны:
Училища основалъ, гдѣ промыслъ услужный
Въ пути добродѣтелей имѣлъ бы наставить
Младенцовъ; осмѣлился и престолъ оставить
И покой, — самъ странствовалъ, чтобъ отечество знало
Примѣръ въ чужихъ брать краяхъ въ томъ, что не бывало
Прежде въ Москвѣ — сличные человѣку нравы
И искусства. Былъ тотъ трудъ корень нашей славы...» и проч.

Я говорю, съ этой точки должно преимущественно разсматривать Кантемира: потому что это именно даетъ его твореніямъ, при всей внѣшней подражательности, характеръ самобытности, народности,—и, слѣд., поставляетъ его въ рядъ немногихъ первокласныхъ представителей нашей литературы.

Нельзя не упомянуть о трудолюбивомъ, ученомъ писателѣ — В. К. Тредьяковскомъ (род. 1703, ум. 1769), первомъ изъ Русскихъ профессорѣ Краснорѣчія (Элоквенціи). Замѣчателенъ онъ не какъ талантъ, а какъ ученый, стремившійся быть полезнымъ отечественному слову. Въ этомъ отношеніи, изъ трудовъ его заслуживаютъ вниманіе 1) Рѣчь «о чистотѣ Русскаго языка», произнесенная имъ (1735, Март. 14) при открытіи засѣданія *Россійскаго собранія*, составившагося при Академіи Наукъ, въ царствованіе Анны Іоанновны; 2) «Способъ Россій-

скаго стихосложенія» (1735), гдѣ онъ доказываетъ несвойственность нашему языку силлабическаго размѣра; 3) «Разсужденіе о древнемъ, среднемъ и новомъ Россійскомъ стихосложеніи» (1755). Но, предписывая правила, онъ не имѣлъ таланта укрѣпить ихъ собственными образцами — и усилія его прославиться на поприщѣ Поэзіи остались напрасными. Это доказываютъ его «Деидамія», Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, и «Тилемахида», стихотворное переложеніе Фенелоновыхъ *Похожденій Телемака.* Остановимся нѣсколько на послѣдней Поэмѣ, дабы видѣть, что вліяніе современной философской школы отразилось уже на слабыхъ опытахъ нашей литературы. Извѣстно, что Искусство, по ученію Энциклопедистовъ, состояло въ грубомъ, рабскомъ *подражаніи* природѣ. Тредьяковскій, образовавшійся въ Парижскомъ Университетѣ, былъ напитанъ современнымъ ученіемъ. Вотъ что говоритъ онъ, въ началѣ своего «предъизъясненія» къ Тилемахидѣ: «Ироическая, инако эпическая Пінма, Эпоіа, есть крайній верхъ, вѣнецъ и предѣлъ высокимъ произведеніямъ разума человѣческаго. Она и глава и совершеніе конечное всѣхъ преизящныхъ *подражаній* естеству, изъ которыхъ ни едино не содѣлываетъ большея сладости человѣкамъ, съ природы *любоподражателямъ*, коль сіе толикаго превосходства эпическое *подражаніе.*» Не видѣнъ ли въ этихъ словахъ Энциклопедистъ, считающій Эпопею, какъ вѣнецъ произведеній

человѣческаго духа, лишь совершеннѣйшимъ *подражаніемЪ* природѣ?

И такъ, въ первомъ періодѣ нашей словесности XVIII вѣка находимъ мы продолженіе *религіознаго* направленія, подъ вліяніемъ котораго процвѣтаетъ Духовное Краснорѣчіе и зрѣютъ начатки учености (представитель: Ѳеофанъ Прокоповичъ). Законодательность Петра I поддерживаетъ направленіе гражданское. Народная Поэзія достойно открывается Кантемиромъ, пока единственнымъ ея представителемъ. Зародившаяся въ предыдущемъ столѣтіи Драма не пріобрѣтаетъ еще никакихъ успѣховъ.

Языкъ гражданскій уже рѣзко отдѣленъ отъ богослужебнаго. Почти всѣ духовные писатели неудачно покушаются ихъ сблизить: одинъ Св. Димитрій Ростовскій въ этомъ успѣваетъ — и представляетъ образецъ языка чистаго, правильнаго и благозвучнаго. Гражданскій языкъ находится еще въ грубомъ состояніи: доказательствомъ служитъ ученый писатель, Тредьяковскій. Вообще же языкъ отечественный является еще необработанною громадою словъ, ожидающею искуснаго дѣлателя. Этотъ дѣлатель не замедлилъ явиться.

ГЛАВА III.

Отъ Ломоносова до Карамзина включительно.

Изъ предыдущаго бѣглаго взгляда на XVIII вѣкъ въ умственномъ отношеніи видно, что, за исключеніемъ Германіи, не процвѣтала въ немъ Изящная словесность. Какая жъ, однако, литература у образованнѣйшихъ народовъ Европы была первенствующею — и сообщала другимъ свое направленіе?

Вѣкъ Людовика XIV уже рѣшилъ первенство литературы Французской. Вмѣстѣ съ политическимъ преобладаніемъ Франціи, въ Европѣ утвердилось и господство Французской словесности, вліяніемъ блистательныхъ талантовъ, прекрасныхъ образцовъ. Корнель, Расинъ, Кребильёнъ, Мольеръ, Боало, Лафонтенъ, Боссюэтъ, Ж. Б. Руссо — всѣхъ увлекли за собою. Къ сожалѣнію, ихъ направленіе было одностороннее, ошибочное; но тогда никто не замѣчалъ этого. Французская литература XVIII столѣтія, довольная славою своего *золотаго* вѣка, повто-

ряетъ его въ своихъ явленіяхъ. Я сказалъ уже, что во Франціи въ этомъ вѣкѣ лишь одинъ замѣчательный Поэтъ, Вольтеръ. Этотъ великій представитель и славы и безславія своего времени — какъ философъ, разрушая въ умственномъ мірѣ всѣ прежнія формы — какъ Поэтъ, является продолжателемъ вѣка Людовика XIV. Въ Эпопеѣ, правда, онъ не имѣетъ еще достойныхъ предшественниковъ, но принимаетъ господствовавшее направленіе—и пишетъ «Генріаду». Въ Драмѣ жъ онъ новый Расинъ. Однако, надобно замѣтить, что у него Поэзія служитъ какъ-бы только средствомъ: въ классическія формы XVII вѣка влагаетъ онъ свою мысль, мысль современной философіи.

Какъ первенствовала въ Европѣ Французская словесность XVII вѣка, первенствуетъ, въ свою очередь, Французская философія въ XVIII столѣтіи. Ж. Ж. Руссо, Вольтеръ, Монтескье — предписываютъ Европѣ законы. Это двойственное преобладаніе Франціи, литературное въ XVII вѣкѣ и философское въ XVIII, утвердило рѣшительное господство Французской словесности въ Европѣ. Нужно ли мнѣ здѣсь доказывать, что Европейскія литературы были тогда, бо́льшею частію, лишь отголоскомъ Французской? Укажу только на нѣкоторыхъ главныхъ представителей. Въ Англіи: Попе и Аддисонъ переносятъ къ себѣ Французскіе законы вкуса, Французскую Дидактику; Томсонъ и Юнгъ, Поэты знаменитые, забывъ своего вели-

каго Шекспира, копируютъ Театръ Французскій. Въ Италіи: Альфьери, замѣчательный Поэтъ, въ своей Драмѣ являетъ сколокъ Драмы Французской. Въ самой Германіи, уже стремившейся къ самобытности, уже быстро развивавшей знаніе, положило свою печать Французское вліяніе. Вильмень представляетъ этому примѣръ на знаменитыхъ мужахъ, Виландѣ и Лессингѣ (1). Соглашаясь на счетъ перваго, дѣйствительно подражателя Вольтеру, нельзя вполнѣ признать это въ другомъ, въ Лессингѣ. Этотъ великій критикъ уже является реформаторомъ прежняго односторонняго направленія и однимъ изъ установителей народности. Онъ изучалъ всѣ лучшія литературы, но преимущественно Англійскую, изучалъ великаго Шекспира, котораго первый разгадалъ и явилъ въ полномъ блескѣ не только Германцамъ, но и самимъ Англичанамъ. Германія, въ своемъ образованіи, является страною эклектическою; но большею долею входитъ въ него сначала стихія Французская. Почти всѣ, особенно первыя, ея словесныя произведенія въ XVIII вѣкѣ носятъ на себѣ печать Французскаго вліянія, за исключеніемъ Клопштока и, потомъ, до великихъ народныхъ геніевъ, до Шиллера и Гёте.

Всѣ подражали — и могли ли не подражать мы, юнѣйшіе всѣхъ въ умственномъ образованіи? Народы, значительно просвѣщенные, испытали

---

(1) Tableau du dix-huitième siècle.

на себѣ стѣснительное вліяніе Французскаго классицизма, подавившаго въ нихъ всякую народность. Самая Германія, въ которой быстро развивалось знаніе, въ которой уже процвѣтали Критика и Филологія — испытала это вліяніе. И могли ли ему не подвергнуться мы, какъ младенцы прислушивавшіеся къ урокамъ возмужавшихъ народовъ, мы, у которыхъ еще не могло быть этому вліянію противодѣйствія со стороны наукъ, мы, у которыхъ только зарождалось знаніе! — Вотъ корень нашей *подражательности* въ прошломъ столѣтіи, особенно, въ послѣдней половинѣ — и вотъ почему эта подражательность была неизбѣжна.

Обозримъ бѣгло успѣхи нашего просвѣщенія.

Императрица Елисавета, шествуя по стопамъ родителя, явилась ревностною распространительницею народнаго образованія. Изъ дѣйствій ея въ пользу просвѣщенія особенно замѣчательно — основаніе Московскаго Университета, 1755, при непосредственномъ участіи незабвеннаго Шувалова. Здѣсь явились мужи ученые — и науки сказались на родномъ языкѣ. Можно судить о благихъ слѣдствіяхъ для народнаго образованія и отечественнаго слова. При Елисаветѣ же основана Санктпетербургская Академія Художествъ, 1758.

Въ блистательное царствованіе Екатерины II быстро возрастаютъ успѣхи нашего просвѣщенія. Академія Наукъ является достойною соперницею юнаго Московскаго Университета. Ея

Члены, большею частію иностранцы, значительно распространяютъ область наукъ: Палласъ, Фалькъ, Георги, Лепехинъ, Крафтъ, Зуевъ и друг., путешествуя по Россіи, собираютъ о ней драгоцѣнныя свѣденія; особенно же замѣчательны: Л. Эйлеръ, знаменитый математикъ, и А. Шлёцеръ, славный критикъ по части отечественной Исторіи. Вслѣдствіе разработки историческихъ матеріаловъ, продолжали появляться сочиненія, имѣвшія если не всегда достоинство, то нѣкоторую уже полноту, цѣлость—Исторіи Ломоносова, Щербатова, Критики Болтина. Значительно способствовало успѣхамъ знанія составленіе многихъ ученыхъ Обществъ, изъ которыхъ, по нашему предмету и для Россійской Исторіи, особенно замѣчательно: *Вольное Россійское собраніе*, учрежденное при Московскомъ Университетѣ. Изъ Членовъ этого общества всегдашнее признательное воспоминаніе заслужилъ Н. И. Новиковъ. Онъ обнародывалъ многія полезныя книги, издавалъ нѣсколько Журналовъ (1), изъ которыхъ очень замѣчателенъ «Живописецъ»; своимъ «Опытомъ историческаго Словаря о Россійскихъ писателяхъ» сохранилъ онъ память о многихъ Русскихъ авторахъ; а изданіемъ «Древней Россійской Вивліо-

---

(1) 1) *Трутень*, 1769–70; 2) *Живописецъ*, 1770; 3) *Парнасскій Щепетильникъ*, 1772; 4) *Вечера*, 1772; 5) *Покоющійся Трудолюбецъ*, 6) *Бесѣдующій гражданинъ*, 7) *Утренній свѣтъ*, 1778–80; 8) *Вечерняя заря*, 1782.

ѳики» оказалъ незабвенную услугу отечественной Исторіи: это богатый запасъ историческихъ особенно, но также географическихъ, статистическихъ и другихъ свѣденій. Вообще, мудрое, попечительное царствованіе Екатерины II много способствовало быстрымъ успѣхамъ нашего образованія. Великая Монархиня, покровительствуя просвѣщенію, какъ извѣстно, и сама занималась литературою: лично участвовала въ «Собесѣдникѣ любителей Россійскаго Слова», въ «Запискахъ касательно Россійской Исторіи», въ Драмѣ, и проч. Извѣстны также литературныя собранія въ Эрмитажѣ. Такой примѣръ, разумѣется, имѣлъ великое вліяніе.

Царствованіе Павла I ознаменовано основаніемъ многихъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ Дерптскаго Университета.

Не смотря на такіе быстрые успѣхи народнаго образованія, науки отечественныя, по причинѣ своего недавняго младенчества, повторю, еще не имѣли довольно силы и самобытности, чтобы служить сильнымъ противодѣйствіемъ стѣснительному вліянію на нашу умственную жизнь Запада, вліянію Французскаго классицизма на нашу литературу.

Въ то время, когда Петръ Великій преобразовывалъ гражданскую и умственную жизнь Россіи, на дальнемъ Сѣверѣ (1), въ неизвѣстно-

---

(1) Въ Архангельской Губерніи, близь Холмогоръ, въ деревнѣ Денисовской.

сти, родился будущій преобразитель Русскаго слова — Михаилъ Васильевичь Ломоносовъ (род. 1711, ум. 1766). Въ царствованіе Елисаветы онъ вступилъ на свое славное поприще. Кому не извѣстна любопытная жизнь его, вначалѣ мятежная, потомъ спокойная и славная подъ сѣнію престола! — и потому излишне напоминать её. Обращаюсь къ важнѣйшему.

Первый раждающійся о Ломоносовѣ вопросъ: подъ какимъ вліяніемъ онъ образовался? — Издѣтства напитанный чтеніемъ священныхъ книгъ, онъ вначалѣ ознакомился съ языкомъ Славянскимъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ образованіи глубоко изучилъ онъ Древнихъ: его Похвальныя слова и нѣкоторыя другія сочиненія носятъ явную печать подражательности древнимъ образцамъ. Въ бытность его въ Германіи, современная Лирика направила въ немъ даръ поэтическій: вообще въ его Поэзіи ярко означается вліяніе Германское. Въ его жъ учености видно общее направленіе вѣка: я выше замѣтилъ, что современныя изслѣдованія умовъ обращались почти исключительно къ природѣ внѣшней, что науки Естества процвѣтали: Ломоносовъ именно предается этимъ наукамъ — и преуспѣваетъ въ Физикѣ, Химіи, Минералогіи. Очевидно, нельзя искать въ его образованіи какого либо исключительнаго вліянія: какъ великій талантъ, не могъ онъ быть одностороннимъ: напротивъ, въ немъ видѣнъ эклектикъ, избирающій и усвоивающій себѣ все лучшее.

Разсматривая вообще умственную жизнь Ломоносова, должно обращать на него внимание как на ученаго, Оратора и Поэта. Съ этой точки зрѣнія, но ограниченнѣе и ближе къ нашему предмету, намѣренъ я бѣгло взглянуть на Ломоносова, во первыхъ, какъ на преобразителя Русскаго слова, предписавшаго для него правила, во вторыхъ, какъ на писателя, давшаго намъ образцы въ разныхъ родахъ.

Мы видѣли, въ какомъ состояніи находился языкъ нашъ до временъ Ломоносова. Духовные писатели неудачно смѣшивали обороты слога библейскаго съ выраженіями простонародными, пестрили языкъ Польскими и другими иностранными, часто искаженными реченіями, необходимо вошедшими вмѣстѣ съ новымъ гражданскимъ устройствомъ—и языкъ Великороссійскій, въ началѣ прошлаго столѣтія, является въ какомъ-то хаотическомъ, неустроенномъ состояніи. Привести въ порядокъ разнородныя стихіи, сблизить языкъ гражданскій, еще необразованный, съ богослужебнымъ, болѣе образованнымъ и богатымъ — и создать изъ этого стройное цѣлое, предоставлено было Ломоносову. Надобно сначала пробѣжать нѣсколько утомительныхъ страницъ предшествовавшихъ писателей и вслѣдъ за тѣмъ прочитать Ломоносова, чтобы достойно оцѣнить его подвигъ. И при этомъ чтеніи, никакъ не должно забывать, что самъ онъ былъ творцемъ своего краснорѣчія. При такомъ быстромъ преобразованіи языка отече-

ственнаго подъ перомъ Ломоносова, непростительно упрекать его за то единственно, что онъ сообщилъ языку словотеченіе Латинское: онъ былъ напитанъ ученіемъ Латинскимъ, образцами древними; притомъ, неустроенный языкъ требовалъ какихъ либо правильныхъ формъ; Ломоносовъ едва ли могъ подслушать въ тогдашнемъ обществѣ чистый народный языкъ — и, можетъ быть, онъ избралъ лучшее.

Желая утвердить на прочномъ основаніи языкъ, уже преобразованный, но еще не имѣвшій постоянныхъ правилъ, потому что немногія существовавшія Славянскія Грамматики не могли помочь этому, — Ломоносовъ написалъ свою «Россійскую Грамматику», составившую важную эпоху въ Исторіи нашего языка. За тѣмъ, преслѣдуя свою цѣль, издалъ онъ «Краткое руководство къ Краснорѣчію» (Риторику). Сюда же принадлежатъ: «Письмо о правилахъ Россійскаго Стихотворства» и «Предисловіе, о пользѣ книгъ церковныхъ». Этими сочиненіями онъ содѣлался законодателемъ въ области Россійскаго слова.

Ломоносовъ не только предписывалъ языку правила и служилъ примѣромъ въ слогѣ чистомъ и благозвучномъ, но, въ своихъ произведеніяхъ, представилъ образцы во многихъ родахъ.

Въ области Краснорѣчія Ломоносовъ прославился своими Похвальными словами, Елисаветѣ и Петру I. Здѣсь—то впервые роскошное, сладостное витійство коснулось Русскаго слуха.

Въ этихъ Рѣчахъ Ломоносовъ рѣшительно подражалъ, въ *изобрѣтеніи* и *расположеніи*, Цицерону и Плинію Младшему (въ его Панегирикѣ Траяну). Но нашъ Ораторъ умѣлъ одушевить это подражение мѣстною живописью, Русскимъ чувствомъ. Красота же *выраженія* принадлежитъ ему исключительно.

По моему мнѣнію, чрезвычайно важное вліяніе на языкъ отечественный имѣли его *ученыя* Рѣчи, напр., 1) «Слово о происхожденіи свѣта, новую теорію о цвѣтахъ представляющее»; 2) «о воздушныхъ явленіяхъ, отъ электрической силы происходящихъ»; 3) « — о пользѣ Химіи», и друг. подобныя сочиненія: лишь тогда наиболѣе укрѣпляется слово народное, когда начинаютъ на немъ выражаться знанія, науки.

Не менѣе славенъ Ломоносовъ какъ Поэтъ, или, лучше, какъ Лирикъ. Эпопея и Драма не удавались ему, можетъ быть, отъ неправильнаго направленія: въ своихъ Трагедіяхъ — «Тамира и Селимъ», «Демофонтъ», и въ неоконченной Поэмѣ — «Петріада», онъ слѣпо копировалъ Древнихъ, увлекаясь современнымъ направленіемъ. Но въ Лирикѣ стяжалъ онъ славное имя. Хотя, какъ я уже замѣтилъ, направленіе сообщено ему было современною Германскою Лирикою, слѣд., и Французскою XVII вѣка (1),

(1) Ломоносовъ и прямо обращался къ Французской Лирикѣ XVII вѣка: такъ, на пр., его «Ода на счастіе» — переводъ изъ Ж. Б. Руссо.

хотя главнымъ образцомъ его былъ Гюнтеръ, современный Поэтъ Германскій, — не смотря на это Ломоносовъ умѣлъ вдохнуть въ свою Лирику народный духъ, умѣлъ быть хорошимъ Поэтомъ, то возвышая свои пѣснопѣнія высотою мысли, то одушевляя ихъ Русскимъ чувствомъ. Достоинство Лиры его вполнѣ оцѣнено правдивымъ потомствомъ: моя же цѣль была — лишь указать на то вліяніе, подъ которымъ развивался поэтическій талантъ его, и опредѣлить степень его самобытности. Замѣчу однакожъ, что, по моему мнѣнію, его Духовныя Оды превосходятъ Торжественныя и Похвальныя: въ нихъ болѣе возвышенности и свободы паренія.

Извѣстно, что Ломоносовъ первый облекъ Русскую Поэзію въ формы болѣе ей свойственныя.

Во всѣхъ отношеніяхъ, особенно по красотѣ выраженія, еще незнакомой Русскому слуху, Поэзія Ломоносова была явленіемъ необыкновеннымъ, произведеніемъ таланта, далеко превосходившаго современниковъ. Извѣстно, какой всеобщій восторгъ и какое изумленіе произвело появленіе первой его Оды («На взятіе Хотина», 1739). — Со звуковъ Лиры Ломоносова запѣла Русская Поэзія.

Направленная всеобъемлющимъ геніемъ Ломоносова, наша словесность, въ продолженіе второй половины XVIII столѣтія, развивается въ его духѣ, — подъ вліяніемъ подражательности,

какъ мы видѣли, неизбѣжной. Обозначимъ главныя явленія.

Въ области Краснорѣчія продолжаетъ господствовать Духовное Витійство, которое является какъ-бы продолженіемъ предыдущаго періода. Ораторы Духовные идутъ по стопамъ Ораторовъ Петрова времени—и, при многихъ своихъ достоинствахъ, представляютъ то же уклоненіе отъ великихъ образцовъ Духовнаго Краснорѣчія IV вѣка, ту же подражательность Ораторамъ Французскимъ. Изъ Духовныхъ Витій Елисаветина времени особенное вниманіе заслуживаетъ Гедеонъ Криновскій (род. 1726, ум. 1763), Придворный Проповѣдникъ, потомъ Епископъ Псковскій. Онъ имѣлъ отличную способность излагать свои мысли ясно, убѣдительно —и былъ исполненъ чувства ораторскаго. Вотъ нѣсколько мыслей о немъ Г. Каченовскаго (1): » Гедеонъ умѣлъ располагать искусно; каждая часть у него отдѣльно обработана. Въ проповѣдяхъ его разсыпаны мысли и примѣры изъ древнихъ писателей; но, къ счастію, онъ рѣдко употребляетъ во зло свою ученость.» Далѣе, о слогѣ: « Гедеонъ поступалъ уже вопреки обыкновенію своихъ современниковъ: онъ употреблялъ языкъ гражданскій, дополняя его богослужебнымъ. Окончанія словъ въ ихъ измѣненіяхъ и синтаксисъ у него совершенно Русскіе. Гедеона имену-

(1) Труд. Общ. Люб. Росс. словесн., Ч. I, стр. 49.

ютъ вторымъ Өеофаномъ; онъ заслужилъ бы славное титло втораго Ломоносова, когда бы старался избѣгать словъ иностранныхъ и простонародныхъ, наблюдалъ бы строгую правильность умозрительной Грамматики (другой тогда еще не было) и прислушивался бы къ теченію своего слова». — Изъ многихъ Духовныхъ Ораторовъ этого времени еще замѣчательны: Амвросій Юскевичъ, Димитрій Сѣченовъ и, позднѣе, Іоаннъ Леванда, Платонъ Левшинъ, Анастасій Братановскій.

Свѣтское наше Краснорѣчіе, образованное и направленное Ломоносовымъ, еще не являетъ значительныхъ успѣховъ. Единственными его представительными памятниками служатъ Рѣчи, произнесенныя Профессорами Московскаго Университета, въ дни Торжественныхъ Собраній, Рѣчи, въ которыхъ переняты и не уронены ораторскія достоинства Ломоносова. Юный Московскій Университетъ, кромѣ распространенія въ отечествѣ нашемъ знаній, оказалъ еще незабвенную намъ услугу сохраненіемъ въ чистотѣ Русскаго языка, которому угрожали совершенною порчею безчисленные безобразные переводы, появившіеся въ концѣ прошлаго столѣтія. Со времени Ломоносова, въ продолженіе полувѣка, языкъ нашъ не только не пріобрѣтаетъ видимыхъ успѣховъ, но искажается болѣе и болѣе подъ перомъ безталантныхъ писателей и переводчиковъ, за немногими исключеніями. Въ одномъ Университетѣ Московскомъ, гдѣ науки

выражались въ родномъ словѣ, языкъ укрѣплялся и сохранялъ свою чистоту. Въ этомъ отношеніи замѣчательны упомянутыя Рѣчи Профессоровъ Московскаго Университета (1).

Переходимъ къ Поэзіи, — первоначально къ Драмѣ.

До Императрицы Елисаветы, со временъ Алексѣя Михайловича, театральныя зрѣлища продолжались почти въ одномъ и томъ же видѣ: это были сценическія представленія, которыхъ содержаніе бралось изъ Священной Исторіи. При вступленіи Елисаветы на престолъ, при Дворѣ были Нѣмецкіе и Италіанскіе актёры. Но собственно Русскаго Театра, Русской Драмы еще не было. Образователь ея — Сумароковъ. Первыя піесы его игрались приватно при Дворѣ и Кадетами въ Сухопутномъ Корпусѣ, въ присутствіи Государыни, одобрявшей эти начинанія. Въ то же время, въ Ярославлѣ, нѣкто Ѳеодоръ Волковъ, сынъ Костромскаго купца, завелъ труппу актёровъ и, потомъ, основалъ постоянный театръ, 1748. Эта труппа,—прославившаяся хорошими актёрами, напр., Дмитревскимъ,

---

(1) Многіе изъ этихъ Профессоровъ заслужили почетное мѣсто въ лѣтописяхъ отечественнаго просвѣщенія: на пр., Поповскій, Пр. Краснорѣчія и Философіи; Барсовъ, Пр. Краснорѣчія; Зыбелинъ, Пр. Химіи и Медицины; Десницкій, Пр. Римскаго и Россійскаго Права, Чеботаревъ, Пр. Философіи и Исторіи; Сохацкій, Пр. Философіи и Древней Словесности; и друг.

Волковыми, Поповымъ, и друг., — по высочайшему повелѣнію, призвана въ С. Петербургъ, 1752; а въ 1756, Именнымъ Указомъ 30 Августа, учрежденъ Придворный Русскій Театръ, въ домѣ Головкина, на Васильевскомъ острову; Директоромъ былъ сдѣланъ Сумароковъ. Въ 1759, по повелѣнію Императрицы, Волковъ основалъ Руской Театръ и въ Москвѣ. Эти Театры назначались исключительно для особъ высшаго званія—и мѣста въ нихъ занимались по чинамъ. Итакъ, если зарожденіе нашей Драмы, въ первыхъ опытахъ на языкѣ Славянскомъ, можно относить къ XVII столѣтію,—то начало собственно Русскаго Театра принадлежитъ къ этому времени, къ царствованію Елисаветы.

Александръ Петровичъ Сумароковъ (род. 1718, ум. 1778) достоинъ всего нашего уваженія, какъ основатель нашей Драмы, какъ талантъ замѣчательный. Чтобы высказать его хорошую сторону, повторю слова Мерзлякова (1): «Не возможно не восчувствовать удивленія, разсматривая чрезвычайные шаги Сумарокова въ успѣхахъ Драмы. Представьте съ одной стороны нравоучительныя зрѣлища объ Олофернѣ при Царевнѣ Софіи и «Деидамію», а съ другой, въ такомъ близкомъ разстояніи, «Семиру», «Синава и Трувора»! Сравните съ этими твореніями современныя творенія Ломоносова— «Демофонта»,

---

(1) Труд. Общ. Люб. Рос. слов., ч. I, стр. 97.

«Селима и Тамиру»: вотъ точка, съ которой геній Сумарокова является въ самомъ блистательномъ видѣ. Дѣйствіе, характеры, катастрофы, порядочно расположенные: все это было сотворено для Русскихъ Сумароковымъ—и въ то время, когда Русскіе цѣнить его достоинствъ были не въ состояніи, какъ самъ онъ жалуется въ Предисловіи къ «Димитрію Самозванцу».» По этотъ замѣчательный талантъ, къ сожалѣнію, находился подъ рѣшительнымъ вліяніемъ Французской школы—и усвоилъ себѣ ошибочное направленіе Французскихъ драматиковъ. Что такое Французская Трагедія XVII вѣка? Страсти, интриги Двора Людовика XIV и тесныхъ высшаго общества, облеченныя въ изящныя формы Древности, такъ сказать, подрумяненныя древнею краскою,—чудная сцена дѣйствія, гдѣ герои называютъ себя Греческими и Римскими именами, подымаются на трагическій котурнъ, а изъясняются какъ Французскіе куртизаны. И надобно было быть Корнелемъ, Расиномъ, Вольтеромъ, чтобы создать изъ этого нѣчто прекрасное, поражающее совершенною красотою формы. Притомъ, Трагедія Французская имѣла же въ основѣ нѣчто своеземное, свои страсти, и потому могла быть сочувствуема Французами, могла возбудить въ нихъ восторгъ, подъ перомъ великихъ писателей. Не то произвела она у другихъ народовъ, подражателей Французской словесности. Эта Трагедія, въ сущности своей полу-древняя полу-Французская, въ формѣ же

чисто древней, перенесенная на новую, чуждую почву, не могла принести плода. Великіе таланты, Томпсонъ и Юнгъ — у Англичанъ, Альфьери—у Италіанцевъ, сгубили на ней свои дарованія. Наконецъ, эту Трагедію перенесъ и къ намъ Сумароковъ, вѣрный послѣдователь Французской школѣ. Могла ли же имѣть его Драма прочный успѣхъ? Я согласенъ съ мнѣніемъ Мерзлякова касательно его достоинствъ относительныхъ: дѣйствительно, Сумароковъ является писателемъ съ большимъ талантомъ, если разсматривать его параллельно съ своимъ вѣкомъ. Но, увлеченный ошибочнымъ направленіемъ, —впрочемъ неизбѣжнымъ, повторю въ его оправданіе, — онъ сгубилъ свой талантъ, какъ и другіе современные иностранные писатели — и чрезъ это не могъ имѣть полезнаго вліянія на нашу словесность. И вотъ почему забытъ онъ,— а не потому только, что *слогъ его устарѣлъ*, какъ рѣшаютъ нѣкоторые.—Сумароковъ пыталъ свои силы во многихъ другихъ родахъ—и вездѣ остался посредственнымъ: ему не удавались ни Комедія, ни Опера, ни Ода, ни Сатира, ни Басня. Во всѣхъ этихъ родахъ онъ лишь оставилъ по себѣ память, какъ писатель многообъемлющій, плодовитый. Въ Лирикѣ дерзалъ онъ соперничать съ Ломоносовымъ... Однакожъ, и ему удивлялись современники, и онъ увлекъ за собою толпы подражателей! Скажу болѣе: онъ долго дѣлилъ съ Ломоносовымъ право законодательства въ нашей литературѣ!

При Екатеринѣ II, Театръ нашъ оживляется высокимъ ея покровительствомъ, *личнымъ* участіемъ — и, изъ увеселенія доступнаго только высшему обществу, обращается во всенародное. Являются на драматическомъ поприщѣ Княжнинъ и Фонъ-Визинъ.

Яковъ Борисовичь Княжнинъ (род. 1742, ум. 1791), родственникъ Сумарокова, шелъ по стопамъ его на поприщѣ драматическомъ. Какъ последователь, онъ еще далѣе простеръ подражательность Французскимъ образцамъ. Вотъ что говоритъ о немъ Мерзляковъ (1): «Онъ подражалъ всѣмъ Французскимъ Трагикамъ вмѣстѣ, или, лучше, переводилъ изъ нихъ. Почти ни одинъ планъ, ни одинъ характеръ, ни одинъ монологъ совершенно не принадлежитъ ему. Во «Владисанѣ» большая часть Меропы, часть Заиры и другихъ Вольтеровыхъ Трагедій.—Витозаръ, Вамиръ, Пальмира, сынъ ея, тоже, что Полифонтъ, Еврнклесъ, Меропа, Егистъ, и пр.— Ярополкъ, Владиміръ, Рогнѣда, Клеомена, тоже, что Орестъ, Пирръ, Герміона, Андромаха. — Пылкая ревность Орозмана присвоена Владисану, и такъ далѣе... Вотъ это значитъ подлинно перекладывать на Русскіе нравы!»— Нельзя однакожъ не замѣтить въ Княжнинѣ большаго дарованія: онъ умѣлъ иные характеры если не создать, то передать прекрасно — и есть сце-

(1) Труд. Общ. Люб. Росс. слов., ч. I, стр. 100.

ны, на которыхъ невольно остановишься. Языкъ его вообще чище и благороднѣе, чѣмъ у Сумарокова.—Несравненно выше Княжнинъ въ Комедіи: здѣсь онъ бралъ уже характеры въ своемъ обществѣ. «Хвастунъ» и «Чудаки» — произведенія образцовыя. — Писалъ онъ также Оперы: лучшая, думаю, «Сбитеньщикъ».

Перехожу къ незабвенному Денису Ивановичу Фонъ-Визину (род. 1745, ум. 1792). Хотя и увлеченный быстрымъ потокомъ общаго направленія, Фонъ-Визинъ умѣлъ сохранить нѣкоторую самостоятельность—и, силою необыкновеннаго таланта, создать истинно Русскую Комедію. Такъ начинаетъ онъ свое драматическое поприще переводомъ Вольтеровой «Альзиры»; но, восчувствовавъ свое назначеніе, творитъ «Бригадира» и безсмертнаго «Недоросля». Особенно въ этомъ послѣднемъ произведеніи явился онъ Русскимъ Мольеромъ. Какъ живо умѣлъ онъ схватить смѣшную сторону тогдашняго сельскаго Дворянства! какъ ѣдко насмѣялся надъ его невѣжественнымъ состояніемъ! какъ искусно, съ природы срисовалъ свои комическіе характеры! — и создалъ изъ этого превосходный типъ народной Комедіи, проникнутой естественною, но глубокою философіею. И теперь «Недоросль» имѣетъ большую цѣну — и, смѣю утверждать, всегда будетъ имѣть её: народъ никогда не забудетъ того, въ чемъ сказался духъ народный. Но въ свое время эта Комедія должна была имѣть великое вліяніе. — Комедіи

Фонъ-Визина, надобно думать, писаны тогдашнимъ разговорнымъ языкомъ: слогъ ихъ отличенъ отъ слога другихъ его сочиненій. Напр., въ переводѣ Томасова «Похвальнаго Слова Марку Аврелію», Фонъ-Визинъ представляетъ языкъ Ломоносова, возвышенный и благозвучный. Изъ писателей прошлаго столѣтія, послѣ Ломоносова, Фонъ-Визинъ едвали не лучше всѣхъ владѣлъ языкомъ отечественнымъ.

Драматическія сочиненія Хераскова не имѣютъ достоинства. Но онъ заслужилъ извѣстность въ другомъ родѣ, въ эпическомъ.

Наша Эпопея была слѣдствіемъ того же направленія, подъ вліяніемъ котораго развивалась наша Драма. Новая Европейская литература, достойно плѣненная великолѣпными, изящными поэтическими типами Древности — Иліадою, Одиссеею, Энеидою, захотѣла непремѣнно имѣть точно такую же Эпопею, какова была у Древнихъ, не обращая вниманія на то, что каждое время и каждый народъ, кромѣ общихъ условій, имѣютъ свои особенныя, что всякій поэтическій типъ доженъ быть *своевременнымъ* и *своеземнымъ*: эта мысль, плодъ настоящихъ успѣховъ знанія, была еще чужда XVIII вѣку. Новые Поэты съ жаромъ устремились расхищать сокровища Древности. Самъ Вольтеръ, Поэтъ-философъ, разрушитель всѣхъ прежнихъ формъ, заплатилъ дань своему времени: онъ написалъ «Генріаду». Надобно жъ было и намъ

имѣть свою Эпопею. Мы видѣли, что еще Тредьяковскій, своею «Тилемахидою», и Ломоносовъ, своею «Петріадою», старались восполнить этотъ мнимый недостатокъ. Но свершить это предоставлено было Михаилу Матвѣевичу Хераскову (род. 1773, ум. 1807), ученику Ломоносова. Вотъ отчего явились у насъ «Россіада» и «Владиміръ»! Замѣтимъ, что Поэтъ нашъ, находясь подъ вліяніемъ современнаго ученія Энциклопедистовъ, не имѣлъ истиннаго понятія о Поэзіи. Быть хорошимъ Поэтомъ значило, по его мнѣнію, умѣть хорошо *подражать*. Въ Предисловіи къ «Россіадѣ», онъ самъ говоритъ: такое-то мѣсто нравилось мнѣ у Гомера, у Виргилія, у Тасса — и я старался подражать имъ. По этимъ причинамъ, «Россіада» и «Владиміръ», не смотря на нѣкоторыя достоинства, подверглись участи Трагедій Сумарокова: ихъ болѣе не читаютъ. Такъ гибнутъ таланты отъ неправильнаго направленія! Херасковъ дѣйствительно былъ съ талантомъ. Читая его сочиненія, находишь въ немъ изобрѣтательное воображеніе, иногда умѣнье живописать и раскрывать страсти человѣческія — и сожалѣешь о злоупотребленіи такихъ дарованій.—Кромѣ этихъ важнѣйшихъ произведеній, Херасковъ написалъ нѣсколько другихъ Поэмъ низшаго достоинства; пыталъ свои силы и во многихъ другихъ родахъ, но неудачно. Стихомъ владѣлъ онъ, для своего времени, прекрасно. Вообще же, достоинъ онъ всегдашняго воспомина-

нія, какъ писатель трудолюбивый и многообъемлющій.

То-же направленіе, однако бо́льшія достоинства являетъ всѣмъ извѣстная «Душенька», прекрасное эпическое твореніе Ипполита Ѳеодоровича Богдановича (род. 1743, ум. 1803). Это передѣлка Лафонтеновой Поэмы «*Les amours de Psyché et de Cupidon*», взятой, въ свою очередь, изъ Апулея. Безспорно, этотъ миѳъ прекрасенъ самъ по себѣ—и получилъ особенную прелесть подъ очаровательнымъ перомъ Лафонтена. Богдановичь, заимствовавъ предметъ и большую часть подробностей у Французскаго Баснописца, пересадилъ этотъ прекрасный цвѣтокъ на нашу почву. Слѣдуетъ вопросъ: что́ же принадлежитъ въ Поэмѣ Богдановича Лафонтену, что современному вѣку и, наконецъ, ему самому? Въ *содержаніи* Богдановичь повторяетъ Лафонтена. Та же прелесть вымысла, занятаго у Древнихъ; тѣ же завлекательныя подробности, хотя часто несообразныя ни съ *мѣстомъ* ни съ *временемъ*: объ этомъ тогда не думали. Надобно прибавить, что Богдановичь, исполненный живой, игривой фантазіи, убралъ эту басню новыми поэтическими цвѣтами. Въ *формѣ* Поэмы видна яркая печать вѣка. Богдановичь, не смотря на видимое желаніе *пріятно разсказать* занимательную сказку, вопреки собственному стремленію къ легкому роду Поэзіи, которой онъ далъ намъ первый образецъ въ этомъ стихотвореніи,—Богдановичь, назвавъ свою По-

эму «Древнею Повѣстью», громоздится на эпическія ходули, начинаетъ съ «пою», приклеиваетъ *воззваніе*, дѣлитъ на «книги», и проч. Вліяніе современнаго же вѣка замѣтно и въ *нескромности* нѣкоторыхъ описаній. *Выраженіе* принадлежитъ Богдановичу исключительно. Подслушавъ прелестную простоту разсказа въ старинной Русской Поэзіи, и сообщивъ ей новую игривую живость, извлеченную изъ собственной души, Богдановичь создалъ первый и прекрасный образецъ народнаго поэтическаго слова. Языкъ его, разумѣется, старѣетъ болѣе и болѣе; но духъ его разсказа будетъ вѣчно юнымъ, всегда намъ свойственнымъ. Вотъ гдѣ истинное достоинство Богдановича! Вотъ, думаю, причина — почему «Душенька» такъ долго пользуется извѣстностью, тогда какъ всѣ прочія произведенія этого Поэта, гдѣ онъ является во всѣхъ отношеніяхъ рабскимъ подражателемъ, всѣ они преданы забвенію! Но можетъ ли «Душенька» быть безсмертнымъ памятникомъ *народной* Русской Поэзіи? Изъ сказаннаго выше касательно *содержанія* и *формы* этой Поэмы, очевидно, выводится отвѣтъ отрицательный. Въ наше время, Душенька перечитывается лишь тѣми, которые слѣдятъ нашу словесность во всѣхъ ея явленіяхъ...

Въ дополненіе къ образцамъ нашей Эпопеи, развившейся подъ игомъ классицизма, считаю не излишнимъ упомянуть о двухъ замѣчательныхъ переводахъ: Энеиды — В. П. Петровымъ, и

шести первыхъ пѣсней Иліады—Е. И. Костровымъ (1).

Въ Баснѣ, слабо начатой Кантемиромъ и совершенной неудачно Сумароковымъ, имѣемъ мы замѣчательнаго представителя въ этомъ періодѣ — И. И. Хемницера (род. 1744, ум. 1784). Этотъ видъ эпической Поэзіи имѣетъ общій характеръ, общія достоинства, пригодныя для каждаго народа. Хемницеръ обладаетъ многими такими *общими* достоинствами хорошаго Баснописца: особенно отличается онъ естественностію, простотою и какимъ-то добродушіемъ разсказа. Но въ немъ уже много народнаго.

Если Сатиру отнести къ роду лирическому (2), то наша Лирика блистательно начнется Сатирами Кантемира. Собственно же Лирики, въ общепринятомъ, болѣе ограниченномъ значеніи, лишь зародышъ видимъ въ слабыхъ опытахъ Кантемира же и въ неудачныхъ Тредьяковскаго. Но образцы Ломоносова дали ей опредѣленное, рѣшительное направленіе. Со звуковъ его Лиры, по его мѣркѣ, писали послѣдующіе стихотворцы—и наша Лирика, имъ направленная, продолжаетъ развиваться, во второй

---

(1) Его же любопытный переводъ Апулеева «Золотаго осла».

(2) Сатира выражаетъ тѣ мысли и чувствованія, которыя въ насъ раждаются при видѣ злоупотребленій, преслѣдуемыхъ Поэтомъ: слѣд., Сатиру ближе всего можно отнести къ роду лирическому.

половинѣ прошлаго столѣтія, все подъ тѣмъ же вліяніемъ Западнаго классицизма.

Я выше замѣтилъ уже, что Сумароковъ былъ въ Лирикѣ неудачнымъ соперникомъ Ломоносова, и что лирическія произведенія Хераскова не заслуживаютъ уваженія. Укажу на Лирика, имѣющаго достоинство, на В. П. Петрова (род. 1736, ум. 1799). Онъ отличается обиліемъ и силою мыслей. Но слогъ его грубъ и жестокъ. Впрочемъ и въ этомъ отношеніи есть исключенія: нѣкоторыя Оды написаны гладкими и прекрасными стихами. Главный же въ немъ недостатокъ—отсутствіе самобытности: онъ рабскій подражатель Ломоносову.

Слѣдя явленія нашей словесности и съ прискорбіемъ замѣчая въ нихъ лишь плодъ подражательности, слѣдствіе чуждаго вліянія, съ какой отрадою останавливаешься на талантѣ самобытномъ, на Поэтѣ великомъ—Державинѣ, на этомъ оазисѣ въ безплодной степи нашей литературы. Гавріилъ Романовичь Державинъ (род. 1743, ум. 1816) явился въ то время, когда наша подражательность достигла крайней степени, когда стѣснительное вліяніе Западнаго классицизма убило нашу народность. Не имѣя опытнаго руководителя, не видя въ отечественной словесности ни одного великаго образца, Державинъ долго колеблется въ выборѣ направленія: ищетъ правилъ у Баттё и Готтшеда, руководствуется Тредьяковскимъ, переводитъ Клопштока, подражаетъ Клейсту, Гагедорну,

Галлеру, Сумарокову, Ломоносову... Примѣръ послѣдняго увлекаетъ его преимущественно—и онъ настроиваетъ свою лиру на торжественный ладъ. Этимъ неустановившимся направленіемъ, этою подражательностію ознаменованъ первый періодъ его поэтическаго поприща, до 1779 года,—когда онъ, недовольный самъ собою, рѣшился «избрать совершенно особый путь» (собственныя слова его). Но еще въ 1773, геній Державина сказался въ «Вельможѣ». Потомъ являются: «На смерть Князя Мещерскаго» (1779), «Ключъ» (1779), «Къ первому сосѣду» (1780) — и знаменуютъ переходъ его къ самобытности. Въ 1780 создаетъ онъ первую идею Оды «Богъ». Но рѣшительно новый путь пролагаетъ онъ, 1781, своимъ произведеніемъ «Фелица» (1). Всѣмъ извѣстна мысль этой Оды, сблизившей Державина съ Екатериною. Здѣсь Поэтъ, свергнувъ схоластическія оковы, съ откровенною шутливостію, прямо отъ души, высказалъ великой Монархинѣ хвалу истинную, безпритворную. Съ этой поры Державинъ, то отвлекаемый отъ Поэзіи государственною службою, то неудачами при Дворѣ снова возвращаемый къ лирѣ, съ блистательною славою проходилъ свое попри-

---

(1) Подлинное заглавіе: «Ода премудрой Киргизъ-Кайсацкой Царевнѣ Фелицѣ, писанная нѣкоторымъ Татарскимъ Мурзою, издавна въ Москвѣ поселившимся, а живущимъ по дѣламъ въ С. Петербургѣ; переводъ съ Арабскаго языка».

ще. Вмѣсто всякой похвалы, стоитъ только припомнить нѣкоторыя изъ его безсмертныхъ созданій: «Видѣніе Мурзы»; Ода «Богъ»; «На коварство»; «На счастіе»; «Осень»; «На взятіе Измаила»; «Водопадъ»; «Безсмертіе души»; «Мой истуканъ»; «Памятникъ»; и мн. др.

Въ послѣдніе годы своей жизни, Державинъ, какъ-бы истощенный въ силахъ, снова обращается къ переводу Горація, Шиллера, Ж. Б. Руссо; перелагаетъ Псалмы; испытываетъ неудачно Драму: по предложенію Россійской Академіи, «Иродомъ и Маріамною» вступаетъ въ состязаніе съ Херасковымъ, который представляетъ свою «Заиру и Ростислава»—и Академія объявляетъ побѣдителемъ Хераскова!... Но и въ послѣднія минуты жизни Державина, еще Муза ему улыбается: за нѣсколько дней до кончины, дрожащею рукою, на аспидной доскѣ, пишетъ онъ нѣсколько строкъ:

«Рѣка временъ, въ своемъ стремленьи,
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, Царства и Царей.
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То — вѣчности жерломъ пожрется,
И общей не уйдетъ судьбы....»

Еслибъ Державинъ написалъ лишь эти восемь строкъ,—я бъ преклонилъ предъ нимъ колѣна.

И такъ, сперва увлеченный современнымъ ошибочнымъ направленіемъ, Державинъ вскорѣ сознаетъ свои силы, избираетъ «особый путь» — и является Поэтомъ самобытнымъ, неподражаемымъ, исполиномъ между современниками. Его геній исключительно лирическій: въ Драмѣ Державинъ несравненно ниже самого себя. Въ самой Лирикѣ, Оды торжественныя, въ которыхъ шелъ онъ по стопамъ Ломоносова, менѣе возвышенны, чѣмъ философскія или нравственныя. Не смотря на нѣкоторую подражательность, Державинъ потому можетъ быть названъ самобытнымъ, что умѣлъ иногда свергать оковы сильнаго вліянія современнаго. Притомъ, онъ Поэтъ *народный:* въ немъ высказался Рускій духъ: и заунывность, и разгульность, и самодовольство, и чувство силы богатырской.

Кромѣ самобытности и народности, главная отличительная черта въ Державинѣ—*живописность.* Онъ, по преимуществу, Поэтъ-живописецъ. Онъ и мыслитъ и чувствуетъ—въ *образахъ,* поражающихъ и новизною и прелестью, чаще же какимъ-то дикимъ величіемъ. Его краски роскошны и неистощимо-разнообразны.

Заключимъ: Державинъ, какъ Лирикъ и Поэтъ-живописецъ, станетъ на ряду со всѣми великими Поэтами міра. Онъ безсмертенъ — и вѣка оправдаютъ пророческій голосъ самого Поэта:

«Въ могилѣ буду я, но — буду говорить!»

Я не скажу, чтобы современные и послѣдующіе Лирики подражали Державину: онъ былъ для нихъ недосягаемъ — и, какъ дивный колоссъ, возвышается надъ всѣми. Они, правда, подражали — наружной его формѣ, перенятой у Ломоносова: слѣд., они продолжали все то же направленіе, подъ рѣшительнымъ вліяніемъ классицизма. Къ числу такихъ Лириковъ принадлежатъ многіе Поэты съ талантомъ, процвѣтавшіе въ концѣ предыдущаго столѣтія: напр., В. В. Капнистъ, замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ, другъ и родственникъ Державина, руководитель его въ первыхъ опытахъ; Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, извѣстный своими пѣснями, въ которыхъ много народнаго; Е. И. Костровъ; В. И. Майковъ, писавшій и Комическія Поэмы; С. С. Бобровъ; Гр. Д. И. Хвостовъ; Кн. И. М. Долгорукій; и друг.

Вотъ очеркъ нашей литературы во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Съ прискорбіемъ замѣчаемъ, что она есть плодъ подражательности, чужеземнаго вліянія; но знаемъ, что эта подражательность была неизбѣжна, потому что таково было общее направленіе. У насъ, въ прошломъ вѣкѣ, были таланты, — но они погибали въ этомъ ошибочномъ направленіи. Одинъ Державинъ является счастливымъ, блистательнымъ исключеніемъ.

Въ языкѣ нашемъ, въ продолженіе этого періода, со времени Ломоносова, не видимъ большихъ успѣховъ. Безотчетная подражательность

иностраннымъ словесностямъ, стремленіе все переводить безъ разбора и безъ достаточнаго знанія языковъ, стремленіе, наводнившее нашу литературу безчисленными безобразными переводами (1), угрожали совершенною порчею языку отечественному. Я замѣтилъ уже, что этотъ языкъ, въ своей безпримѣсной чистотѣ, въ особенности хранилъ Университетъ Московскій. Но сообщенное Русской рѣчи Ломоносовымъ словотеченіе Латинское начинало не нравиться образованному слуху; чувствовалась необходимость облечь языкъ въ болѣе ему свойственныя формы. Не смотря на это, лишь немногіе писатели пытались восполнить этотъ недостатокъ. Фонъ-Визинъ, въ своихъ Комедіяхъ, уже сообщилъ языку нѣкоторую легкость. Великій Державинъ обратилъ вниманіе на языкъ разговорный — и началъ вводить его въ Поэзію; облагородилъ многія слова и выраженія, считавшіяся дотолѣ низкими и не допускавшіяся въ область изящной словесности; но его усилія обозначаются иногда слишкомъ рѣзко — и кладутъ печать неровности, часто неблагородства на языкъ его. Однимъ словомъ, мы еще не умѣли говорить чисто по Русски — и языкъ нашъ ожидалъ новаго преобразителя.

---

(1) Я говорю вообще: есть и исключенія. Изъ членовъ Академіи многіе были искусными и полезными переводчиками: на пр., С. С. Волчковъ, М. И. Веревкинъ, Я. И. Булгаковъ и друг.

Карамзинъ стоитъ на рубежѣ двухъ столѣтій — и, по своему образованію, принадлежа восьмнадцатому вѣку, въ тоже время долженъ былъ испытать на себѣ и вліяніе девятнадцатаго. Поэтому, необходимо сказать нѣсколько словъ о различіи этихъ двухъ столѣтій, относительно общаго направленія въ умственномъ мірѣ.

Если XVIII вѣкъ заслужилъ названіе вѣка *разрушительнаго,* — то, по всей справедливости, вѣкъ XIX долженъ быть названъ *зиждительнымъ:* пользуясь матеріалами, собранными трудомъ ума въ предыдущихъ вѣкахъ, онъ возсоздаетъ изъ нихъ новое, стройное цѣлое, проникнутое идеями возвышенными. Трудно начертать картину, даже слабый очеркъ этого вѣка, еще вполовину не свершившагося, но уже разнообразнаго въ своихъ явленіяхъ, богатаго важными результатами. Здѣсь я ограничусь указаніемъ тѣхъ основаній, на которыхъ, по моему мнѣнію, зиждется весь міръ умственный. Для наблюденій ума только три главныхъ предмета, совмѣщающихъ въ себѣ все безчисленное разнообразіе остальныхъ: Богъ, человѣкъ и природа. Слѣд., понятія объ этихъ предметахъ составляютъ основу всѣхъ знаній. Въ XVIII вѣкѣ, понятіе о природѣ было чисто матеріальное. Но нынче на природу уже смотрятъ не какъ на массу вещества, но какъ на *живое цѣлое.* Далѣе, унизительное понятіе XVIII вѣка о человѣкѣ, на пр., Кондильяково,

представлявшее человѣка не болѣе какъ автоматомъ, совершенно изгнано изъ области знанія. Человѣкъ опять восприялъ свое достоинство, глубоко почувствовалъ свое назначеніе — и обратился къ познанію самого себя. Психологія только въ нашемъ вѣкѣ начинаетъ совершенствоваться, — а безъ основаній психологическихъ нельзя еще было ожидать такой Теоріи словесности, которая дала бы правильное понятіе о художническихъ словесныхъ произведеніяхъ, и могла бы руководить творческую дѣятельность. Отсюда, въ XVIII вѣкѣ, возможность ошибочности направленія въ литературномъ мірѣ. Но возвышеніе понятія о человѣкѣ, какъ отблескѣ Божества, было слѣдствіемъ очищенія понятія о самомъ Божествѣ. Безсмысленное кощунство осталось лишь въ воспоминаніи, возбуждающемъ одно сожалѣніе. Надъ всѣмъ міромъ умственнымъ господствуетъ идея о Богѣ личномъ: къ ней сводятся всѣ наблюденія философіи.

Можно судить, какое благодѣтельное вліяніе на весь міръ умственный производятъ нынѣшнія возвышенныя понятія о Богѣ, человѣкѣ и природѣ. Одно понятіе о человѣкѣ совершенно преобразовываетъ область Искусства, почитаемаго уже не грубымъ *подражаніемъ* природѣ, какъ въ XVIII вѣкѣ, а свободнымъ, необходимымъ проявленіемъ нашей творческой дѣятельности. Отсюда и въ Искусствѣ словесномъ правильное направленіе. На словесность смотрятъ

теперь не иначе, какъ на выраженіе духа народнаго: слѣд., различаютъ въ ней *общее*, принадлежащее духу человѣческому вообще, и *частное, народное*, являющееся подъ извѣстнымъ вліяніемъ мѣста и времени. Поэтому заключаютъ, что всякое изящное произведеніе непремѣнно должно быть и *своевременнымъ* и *своеземнымъ*

Изъ этого выводится прямое слѣдствіе, что изъ области Искусства вообще, слѣд., и словесности въ особенности, теперь изгнана всякая слѣпая, *подражательность*—и всѣ усилія генія направлены къ *народности*.

Прежде нежели наша словесность, при современномъ направленіи умовъ къ народности, могла произрастить достойные плоды, надлежало первоначально образоваться языку народному, какъ необходимой для этого формѣ. Мы видѣли, что языкъ нашъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, является или искаженнымъ, вслѣдствіе неискусныхъ, буквальныхъ переводовъ съ языковъ иностранныхъ, или, если и сохраняется въ чистотѣ, то все еще остается скованнымъ въ Латинскія формы, сообщенныя ему Ломоносовымъ. Предстояла необходимость свергнуть эти оковы, очистить Русскій языкъ отъ чуждой примѣси — однимъ словомъ, научить насъ писать по Русски.

Первымъ свершителемъ этого подвига былъ Николай Михайловичъ Карамзинъ (род. 1765, ум. 1826). Все его литературное поприще содѣй-

ствовало выполненію этого назначенія. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ домѣ Профессора Московскаго Университета Шадена; посѣщалъ также Университетскія лекціи. Довершилъ онъ свое образованіе путешествіемъ за границу (съ 1789 по 1791), плодомъ котораго были его «Письма Русскаго Путешественника». Возвратясь въ Москву, онъ посвятилъ себя исключительно литературѣ. Изданіемъ «Московскаго Журнала» (1792, 1793) положилъ онъ начало новому преобразованію Русскаго слова. Въ этомъ журналѣ участвовали, между прочими, Державинъ, Херасковъ и Дмитріевъ. Здѣсь современники впервые встрѣтили языкъ очищенный и благородный. Если Карамзинъ еще придерживался словотеченія Французскаго, то его въ этомъ нельзя строго винить, тѣмъ болѣе, что онъ избралъ образцомъ лучшее: Французское построеніе рѣчи можно назвать логическимъ — и оно ближе всѣхъ подходитъ къ нашему. Также можно извинить въ немъ нѣкоторыя неправильности: могъ ли онъ избѣжать ихъ, преобразуя формы языка, еще не имѣвшаго тогда достаточныхъ правилъ? Но въ то время языкъ Карамзина былъ новымъ, пріятнымъ явленіемъ — и всѣ стали прислушиваться къ его сладостной рѣчи. Такое благотворное вліяніе на языкъ отечественный Карамзинъ продолжалъ оказывать во всѣхъ своихъ повременныхъ изданіяхъ: «въ Аглаѣ» (1794), «въ Аонидахъ» (1797,—98,—99), «въ Пантеонѣ иностранной

словесности» (1798) и, наконецъ, въ «Вѣстникѣ Европы» (1802, 1803). Новыя занятія отвлекли его отъ этого поприща: въ 1803, онъ сдѣланъ Исторіографомъ. . . .

Карамзинъ увлекъ за собою толпы подражателей, къ сожалѣнію, бо́льшею частію безталантныхъ: принаровленіе его рѣчи къ Французскому словотеченію довели они до совершенной буквальности — и завалили языкъ нашъ галлицизмами; стараясь подражать его чувствительности, они сдѣлались до крайности приторными. Въ то же время составилась противъ Карамзина и сильная оппозиція: къ ней присоединились всѣ приверженцы старины и завистники его славы, которые всячески старались порицать его. Карамзинъ никогда не оправдывался: онъ всегда отвѣчалъ какимъ нибудь новымъ произведеніемъ, упрочивавшимъ болѣе и болѣе торжество его. Всѣ его прозаическія сочиненія заслуживаютъ полное одобреніе, какъ плоды здраваго ума, безпритворной чувствительности, благородства души — и, вмѣстѣ, какъ образцы прекраснаго языка, понынѣ не теряющаго достоинства, но въ свое время бывшаго явленіемъ необыкновеннымъ. Если Карамзинъ, своими стихотворными опытами, не стяжалъ имени славнаго Поэта, по крайней мѣрѣ въ его стихотвореніяхъ видно выраженіе тѣхъ же возвышенныхъ достоинствъ души — и здѣсь уже значительно выработанъ Русскій стихъ.

Итакъ, въ отношеніи къ языку, Карамзинъ является начинателемъ новаго періода въ нашей словесности. Этимъ онъ отвѣчалъ на требованіе новой формы, языка народнаго, для литературы народной. Но, по духу своихъ произведеній, Карамзинъ рѣшительно принадлежитъ предыдущему вѣку — и заключаетъ собою нашу словесность XVIII столѣтія.

Важнѣйшее произведеніе Карамзина, и вмѣстѣ полный образецъ его языка, есть «Исторія Государства Россійскаго». Нельзя не остановиться нѣсколько на этомъ превосходномъ твореніи, составившемъ эпоху и въ лѣтописяхъ нашего просвѣщенія и собственно въ словесности. Здѣсь я долженъ обратить вниманіе на Исторію Карамзина, какъ на изящное словесное произведеніе: разборъ историко-критическій здѣсь не у мѣста.

Всякое словесное произведеніе должно разсматривать со стороны *изобрѣтенія, расположенія* и *выраженія* (1). Въ чемъ состоитъ историческое *изобрѣтеніе?* Въ живомъ *возсозданіи* жизни человѣчества, или одного народа. Слѣд., главныя требованія состоятъ въ томъ, чтобы 1) отдѣлить въ Исторіи народа то, что обще всему человѣчеству, отъ принадлежащаго ему исключительно, — 2) показать вмѣстѣ съ тѣмъ и связь Исторіи народной со всеобщею, — 3)

---

(1) Я удерживаю общепринятые риторическіе термины, хотя и удаляюсь отъ ихъ школьнаго значенія.

отличить слѣдствія воли народной отъ слѣдствій высшаго предопредѣленія, воли Провидѣнія, — 4) показать ближайшія и отдаленныя причины всѣхъ событій, — 5) имѣть ввиду одну господствующую идею, движущую всѣ событія, развивающуюся во всей Исторіи, на пр., идею *религіозности, гражданственности, художественности*: потому что развитіе которой нибудь непремѣнно преимуществуетъ въ жизни народа — и тѣмъ характеризуетъ её. Вотъ главныя требованія касательно историческаго изобрѣтенія! *Расположеніе*, разумѣется, должно ему соотвѣтствовать, служить ему формою гармоническою, представлять живое цѣлое. Наконецъ, въ чемъ состоитъ историческое *выраженіе?* Мы знаемъ, что Исторія, какъ изящное произведеніе, слагается изъ двухъ стихій, *описанія* и *повѣствованія*. Сообразно съ этимъ, и самое выраженіе должно состоять изъ вѣрнаго *описанія* мѣстности, изъ истиннаго, связнаго, одушевленнаго *повѣствованія* событій и художническаго изображенія характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Таковы требованія отъ Исторіи, какъ науки и какъ изящнаго произведенія, сообразно съ нынѣшнимъ о ней понятіемъ. Приложить эти требованія со всею строгостію къ творенію Карамзина — и, подъ этими условіями, произнести надъ нимъ приговоръ, было бы совершенною несправедливостью. Должно разсматривать Карамзина параллельно съ его временемъ, которое хотя

очень близко къ нашему, но рѣзко отъ него отличается во многихъ отношеніяхъ. Истинное понятіе объ Исторіи, породившее требованія, указанныя мною выше, составляется только въ наше время, можно даже сказать, въ послѣдніе годы. Карамзинъ же стоитъ на границѣ двухъ вѣковъ — и, какъ Историкъ, по своему образованію, принадлежитъ къ исторической школѣ XVIII столѣтія. Изъ его Предисловія видно (1), что онъ, изъ всѣхъ извѣстныхъ ему Историковъ, предпочиталъ Юма (2): вотъ образецъ его! А мы знаемъ, что по понятію той школы, къ которой принадлежалъ и Юмъ, чтобъ быть хорошимъ Историкомъ почти достаточно было умѣть хорошо повѣствовать, *пріятно разсказывать.* По этимъ причинамъ Карамзинъ не можетъ вполнѣ удовлетворить изложеннымъ требованіямъ. Такъ въ *изобрѣтеніи* онъ является лишь передателемъ того, что «предано намъ вѣками» (3), — но передателемъ искуснымъ. *Располагаетъ* онъ такъ, какъ располагалъ Юмъ и друг. Поэтому,

---

(1) Ист. Гос. Росс., Т. I, стр. XX Предисловія, трет. изд.

(2) Ibid. Онъ порицаетъ Юма за то только, что онъ *чуждался* своей Англіи, излишне хвалясь безпристрастіемъ. Любовью къ отечеству, этимъ возвышеннымъ чувствомъ, проникнуты всѣ творенія Карамзина: это характеристическая черта и его Исторіи.

(3) Ibidem.

вы найдете у него то же произвольное раздѣленіе на главы, то же (важная погрѣшность!) отдѣленіе умственной жизни народа отъ событій политическихъ. Притомъ, объ успѣхахъ умственнаго развитія у него повѣствуется послѣ дѣйствій политическихъ, совершенно отдѣльно, — тогда какъ это повѣствованіе должно предшествовать — и быть въ неразрывной связи съ гражданскою жизнію народа: въ такомъ только случаѣ могутъ намъ быть ясны, понятны и политическія событія. Наконецъ, въ историческомъ *выраженіи* — ощутительный недостатокъ вѣрнаго *описанія:* вы не различите древняго быта нашихъ предковъ отъ ближайшаго къ намъ, не замѣтите, на пр., различія между древними и новыми городами, и т. п.; не найдете также отличительности, сообразной съ временемъ, въ дѣйствующихъ лицахъ: герои временъ баснословныхъ сходны съ лицами эпохъ историческихъ. Вотъ въ чемъ можно бы упрекнуть Карамзина, если подводить его Исторію подъ нынѣшнія требованія этой науки. Но, повторю, несправедливо произносить приговоръ надъ его произведеніемъ подъ этими условіями, которыя суть плодъ недавнихъ успѣховъ знанія. Надобно разсматривать Карамзина нераздѣльно съ его временемъ, означивъ его мѣсто въ ряду представителей нашей словесности: вотъ точка, съ которой явится талантъ его въ самомъ блистательномъ видѣ. Сравните до него сдѣланное по ча-

сти отечественной Исторіи съ тѣмъ, что онъ вдругъ сдѣлалъ — и вы почувствуете одно удивленіе, одну признательность къ его подвигу. Только приведеніе въ порядокъ, въ ясность безчисленнаго множества матеріаловъ отечественной Исторіи — приводитъ въ изумленіе и заслуживаетъ всего нашего уваженія: послѣ его трудовъ, по его указаніямъ, намъ уже легко обработывать окончательно эти матеріалы. Но Исторія Карамзина имѣетъ и другія многія достоинства, какъ изящное словесное произведеніе. Такъ, на пр., я замѣтилъ, что въ этомъ твореніи недостаточно обрисованы характеры, по различію времени: это замѣчаніе относится къ древнимъ временамъ нашей Исторіи; но въ эпохахъ позднѣйшихъ вы найдете блистательныя исключенія. Есть лица, какъ будто преимущественно любимыя авторомъ, на которыхъ онъ любитъ останавливаться — и эти лица изображены отличительно, превосходно: на пр., Димитрій Донской, Іоаннъ III, Іоаннъ IV, Борисъ Годуновъ, Князь Скопинъ-Шуйскій, Рязанскій Дворянинъ Ляпуновъ, и нѣк. друг. Въ *повѣствованіи* вообще — торжество Карамзина. Есть и мѣста, превосходно отдѣланныя, соединяющія и *описательную* и *повѣствовательную* часть: на пр., описаніе Флоренційскаго Собора, осада Казани, жизнь Бориса Годунова, особенно до восшествія на престолъ и въ первые года царствованія. Наконецъ, о *внѣшнемъ выраженіи*, т. е., объ языкѣ, о слогѣ, и

говоришь нечего: оно, судя по времени, превосходно. Въ этомъ твореніи, Карамзинъ завѣщалъ потомству сокровищницу языка Русскаго, который онъ самъ очистилъ, облагородилъ и довелъ, для своего времени, до возможной степени совершенства.

Такъ Карамзинъ, силою могучаго таланта, преобразовалъ языкъ отечественный, оставилъ прекрасные образцы во многихъ родахъ, создалъ для насъ Исторію — и тѣмъ возымѣлъ значительное вліяніе на нашу словесность.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Разсмотрѣніемъ Карамзина, какъ творца нашей Исторіи и новаго преобразителя отечественнаго слова, предположилъ я окончить этотъ очеркъ Русской словесности XVIII вѣка, которую Карамзинъ достойно заключаетъ. Какой же результатъ извлечемъ мы касательно состоянія и общаго направленія нашей литературы въ этомъ столѣтіи?

Въ области Краснорѣчія, процвѣтаетъ въ XVIII вѣкѣ Духовное Витійство, зарожденное въ предыдущихъ вѣкахъ, — но, къ сожалѣнію, находится подъ вліяніемъ подражательности Французскимъ образцамъ въ этомъ родѣ. Свѣтское Витійство, созданное для насъ Ломоносовымъ по древнимъ образцамъ, въ его духѣ продолжаетъ развиваться въ продолженіе второй половины XVIII столѣтія, не пріобрѣтая еще значительныхъ успѣховъ.— Въ Исторіи видимъ лишь слабые опыты, или, лучше сказать, совсѣмъ не имѣемъ Исторіи — до произведенія незабвеннаго Карамзина, произведенія, которое хотя появленіемъ своимъ и принадлежитъ къ началу XIX вѣка, но, по духу своему, есть плодъ

XVIII столѣтія — и заключительный его памятникъ въ нашей словесности.

Русская Поэзія въ XVIII вѣкѣ, за немногими исключеніями, является плодомъ чуждаго вліянія. — Наша Лирика направляется Лирикою Германскою, въ корнѣ Французскою. Одинъ Державинъ, силою могучаго генія, свергаетъ наконецъ оковы классицизма, дѣлается Поэтомъ самобытнымъ — и возносится исполиномъ надъ современниками, блистаетъ яркимъ, одинокимъ свѣтиломъ во тьмѣ ошибочнаго направленія. — Наша Драма — сколокъ ложной Драмы Французской. Одинъ Вонъ-Физинъ составляетъ отчасти исключеніе. — Наша Эпопея — слѣдствіе ошибочнаго понятія, чуждый, незрѣлый плодъ Западнаго классицизма.

И такъ, отечественная словесность XVIII вѣка представляетъ довольно безотрадное зрѣлище. Но постепенность развитія необходима и въ умственномъ мірѣ. Въ нѣсколько десятилѣтій мы далеко подвинулись. Чтобъ доказать это, сдѣлаю небольшое сравненіе нашей Поэзіи въ прошедшемъ и настоящемъ столѣтіи.

Если начать съ Лирики, то поклонники Ломоносовскаго періода сей часъ спросятъ меня: кого жъ противопоставимъ мы теперь великому Державину? Согласимся, что онъ не имѣлъ еще совмѣстника. Но предыдущія изслѣдованія показали намъ, что Державинъ не былъ произведеніемъ своего вѣка: напротивъ, онъ былъ исключеніемъ изъ общаго направленія, дого

стѣснявшаго его свободный полетъ. Блистательнымъ продолжателемъ того же направленія явился И. И. Дмитріевъ. Подъ его перомъ и наша Сатира достигла значительной степени совершенства. Въ формахъ уже болѣе свободныхъ, наша Поэзія сказалась въ нѣжной Лирѣ К. Н. Батюшкова и въ разнообразной, исполненной глубокаго чувства Лирѣ В. А. Жуковскаго, который приучилъ Русскій стихъ ко всѣмъ размѣрамъ — и первый постигнулъ, что и форма Поэзіи должна быть въ живомъ согласіи съ ея содержаніемъ. — Первоклассный представитель современной Лирики, незабвенный А. С. Пушкинъ, котораго недавнюю потерю мы еще оплакиваемъ, — одинъ онъ почти склоняетъ вѣсы въ пользу XIX вѣка. Пушкина смѣло можно поставить въ параллель съ Державинымъ. Они оба полные представители своего времени,—Поэты самобытные и неподражаемые, Поэты по преимуществу. — Сдѣлаю одно замѣчаніе. Мы не видимъ болѣе *торжественныхъ одъ* въ томъ видѣ, какъ встрѣчали ихъ у Ломоносова и его послѣдователей. Гдѣ этому причина? Неужели нѣтъ достойныхъ предметовъ? Настоящее благословенное царствованіе неистощимо богато великими событіями. Но наша Лирика прошлаго вѣка облекалась именно въ тѣ формы, въ какихъ являлась Лирика въ Германіи, во Франціи: мы же отвергнули однообразную классическую мѣрку — и если отечеств.нная слава отражается въ родной Поэзіи, то уже не подъ

игомъ классицизма, а какъ свободное излiянiе патрiотическихъ чувствованiй.

Въ текущемъ столѣтiи пресѣклось ошибочное направленiе въ области Эпопеи. Теперь очень понимаютъ, что въ наше время не возможна Эпопея именно въ томъ видѣ, въ какомъ находимъ ее у Древнихъ, потому что каждый типъ поэтическiй долженъ быть и *своевременнымъ* и *своеземнымъ*. Эпопея подверглась необходимымъ водоизмѣненiямъ сообразно съ духомъ времени. Такъ, у Древнихъ, она была *героическою:* превосходные типы завѣщаны намъ въ «Илiадѣ» и «Одиссеѣ», счастливо потомъ возсозданныхъ въ «Энеидѣ». Среднiя времена имѣли свою Эпопею — *рыцарскую:* представители Арiостъ и Тассъ. Въ наше время, Эпопея можетъ быть только *гражданскою*, *историческою*. Такое ея назначенiе, очевидно, неблагопрiятное для Поэзiи, какъ свободнаго выраженiя творческой фантазiи, недовольствующейся дѣйствительностiю — такое, говорю, назначенiе, можетъ быть, причиною, что въ наше время не видимъ великихъ образцовъ въ этомъ родѣ. — У насъ, съ удовольствiемъ замѣчаемъ, что ни одинъ Поэтъ съ талантомъ не является соревнователемъ Хераскову: признакъ отсутствiя ложнаго направленiя. Но прекрасный опытъ Эпопеи *гражданской*, Эпопеи въ томъ видѣ, въ какомъ только можетъ она теперь существовать — являетъ «Полтава» А. С. Пушкина. — Баллада, созданiе Германской Поэзiи,

есть отголосокъ Рыцарской Эпопеи въ новомъ мірѣ. У насъ представитель этого рода — В. А. Жуковскій, въ своихъ очаровательныхъ «Балладахъ». — Въ Баснѣ, мы можемъ похвалиться образцовыми произведеніями — И. И. Дмитріева и И. А. Крылова, Баснописца народнаго, неподражаемаго.

Въ Драмѣ нашей замѣтно то же счастливое обращеніе на прямой путь. Правда, В. А. Озеровъ, подобно Карамзину стоявшій на рубежѣ двухъ столѣтій, продолжилъ прежнее ошибочное направленіе, но искупилъ это большимъ талантомъ, произведеніями замѣчательными. Теперь же никто не рѣшится взять за образецъ Сумарокова или Княжнина — и писать, какъ они писали: слѣпая подражательность Французской Трагедіи осталась въ одномъ воспоминаніи. — Много обогатили Русскую комическую сцену Кн. А. А. Шаховской, Н. И. Хмельницкій, А. А. Писаревъ и другіе, составляющіе переходъ отъ Драмы чисто подражательной къ Драмѣ, если еще не народной, то болѣе разнообразной, болѣе свободной въ своихъ формахъ. Но истинно народный, самобытный типъ Русской Комедіи былъ созданъ Грибоѣдовымъ, въ его превосходномъ произведеніи «Горе отъ Ума». — «Борисъ Годуновъ» Пушкина есть, по моему мнѣнію, прекрасная попытка народной Драмы (1), пробудившая замѣтное соревнованіе.

(1) Не смотря на то, что это произведеніе не назначалось авторомъ для сцены.

Въ настоящее время мы видимъ счастливыя начинанія.

Таковы очевидныя преимущества нынѣшняго состоянія нашей Поэзіи въ сравненіи съ предыдущимъ вѣкомъ. Слѣдовательно, мы сдѣлали значительный шагъ впередъ. Но, — возразятъ поклонники Ломоносовской эпохи, — сравните количество тогда написаннаго во всѣхъ родахъ и теперь!... Подобное замѣчаніе едвали стоитъ опроверженія. Если отдѣлишь тѣ словесныя произведенія, которыхъ относительную цѣну, при ошибочности направленія, мы видѣли выше, — что останется? Переложенія или, бо́льшею частію, переводы. Тогда всякій брался переводить — и все, безъ разбора. Теперь же знаютъ, что значитъ хорошо переводить (1); знаютъ, что для этого нужно совершенное знаніе обоихъ языковъ, что необходимо вникнуть въ духъ автора, изучить его, и проч. Притомъ, какъ трудно теперь удовлетворить читателей самымъ выборомъ предмета! Эта разборчивость, какъ слѣдствіе устанавливающагося правильнаго взгляда на словесность, уже ручается за ея совершенствованіе: Исторія всѣхъ литературъ намъ показываетъ, что когда образованіе разольется на значительную часть общества, когда такимъ образомъ приготовится масса читателей, умѣющихъ цѣнить достойное, тогда

(1) Я не говорю о мелкихъ литературныхъ промышленникахъ.

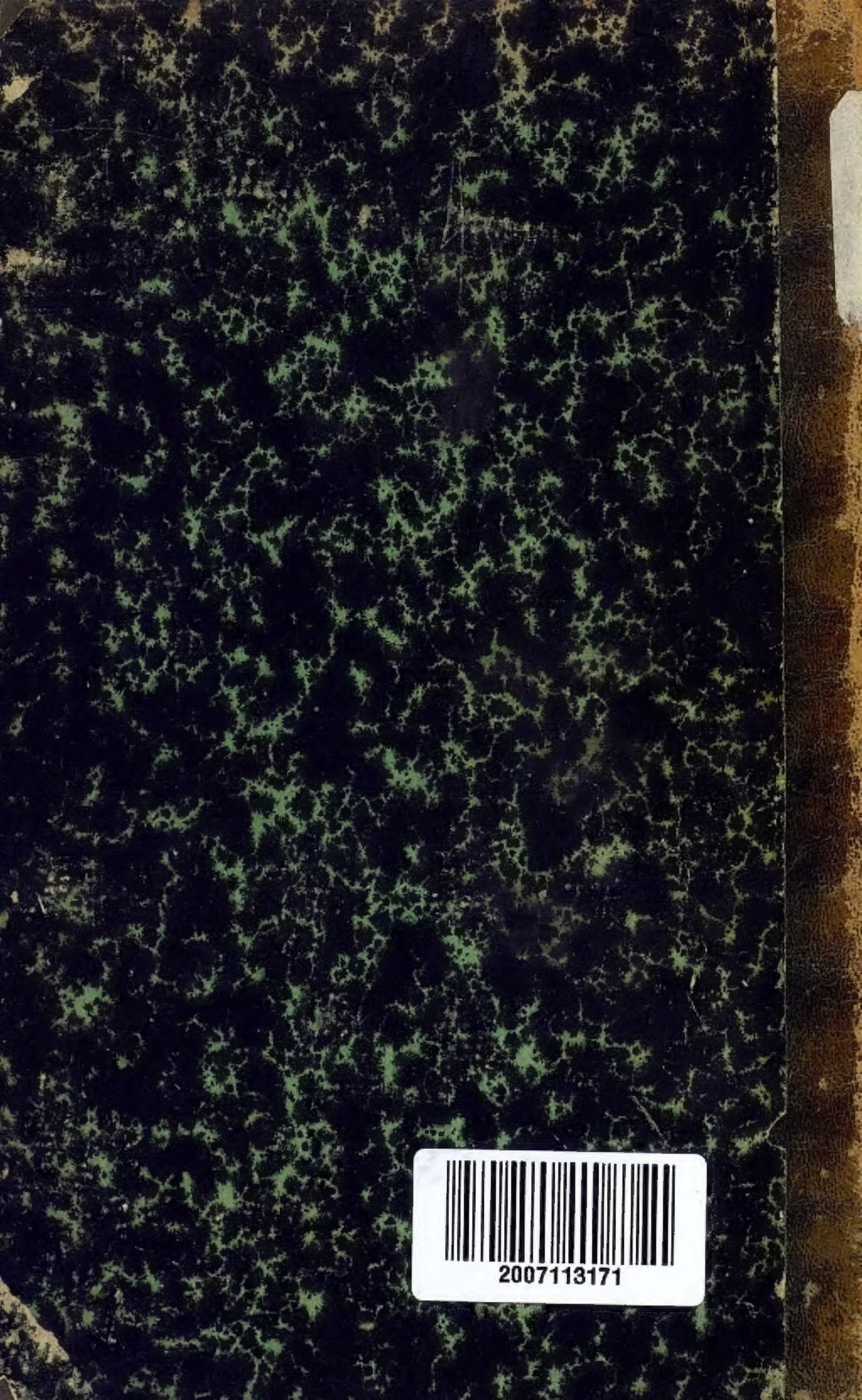
только появляются въ большомъ количествѣ произведенія образцовыя — однимъ словомъ, тогда близко процвѣтаніе литтературы....

Показавши, въ этомъ краткомъ очеркѣ, состояіе нашей словесности въ XVIII вѣкѣ и тѣ вліянія, подъ которыми развивалась она, остается сказать нѣсколько словъ объ ея общемъ направленіи, согласно съ развитіемъ народной жизни вообще.

Религіозность, господствовавшая въ нашемъ умственномъ развитіи съ самаго младенчества, преобладаетъ еще въ нашей словесности въ первой половинѣ XVIII вѣка. *Гражданственность,* начавшая проявляться въ *законодательствѣ* съ Іоанна III, быстро развивается съ Петра Великаго. *Ученость* собственно начинается только съ половины прошлаго столѣтія — и возрастаетъ исполински. Но въ XIX вѣкѣ, всѣ три стихіи народной жизни представляютъ уже стройное равновѣсіе — и, при проявленіи своемъ въ словесности, стряхнувъ чуждое иго, тяготѣвшее надъ ними во все продолженіе предыдущаго вѣка, стремятся съ возрастающею быстротою слиться въ одно общее направленіе, — въ *народность.*

И чего нельзя ожидать при такомъ направленіи, при вѣрномъ взглядѣ на словесность, при мудромъ содѣйствіи попечительнаго Правительства?...

Конецъ.

2007113171